

МАША ЛОВЫГИНА

СЕДЬ МОЙ ГНОМ

одна встреча
одна любовь
одно преступление

Маша Ловыгина Седьмой гном

Серия «RED. Детективы и триллеры»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67276107
М. Ловыгина. Седьмой гном: SelfPub;
ISBN 978-5-04-179361-6*

Аннотация

Смерть дальней родственницы, случившаяся при странных обстоятельствах, приводит Макара Чердынцева в провинциальный городок, в котором пять лет назад он провел ночь со случайной незнакомкой. Мимолетная связь оставила глубокий след в судьбе женщины – она родила сына, о котором Макар ничего не знал. И нельзя сказать, что его жизнь в новых обстоятельствах меняется радикально – но от того, удастся ли ему найти так называемого убийцу, зависит благополучие его внезапно возникшей семьи...

Комментарий Редакции: Детективная драма о мести – блюде, которое убивает самого повара.

Содержание

Глава 1. Наследник	5
Глава 2. Макар	13
Глава 3. Серафима	24
Глава 4. Серафима	37
Глава 5. Макар	48
Глава 6. Серафима	58
Глава 7. Макар	65
Глава 8. Серафима	79
Глава 9. Макар	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Маша Ловыгина

Седьмой гном

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital
(RED)

В оформлении использована фотография: © Mikkaphoto /
iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

*** * ***

Глава 1. Наследник

Телефонный звонок застал Макара в ванной, когда он, чередуя горячую и холодную воду, пытался реанимировать себя после дружеского застолья. Только приличные люди ждут достойного повода, чтобы отметить, думал он. А для таких, как он и его друзья, придумана пятница.

– Пора менять традиции, – разглядывая в зеркало припухшие веки, пробормотал Макар и, заслышав звонок, едва не упал. Впрочем, падать в душевой кабине с его ростом было особенно некуда, но, как говорится: не буди лихо, не поминай черта и вообще, – пить надо меньше.

Замотав полотенце вокруг бедер, он прошлепал на кухню в поисках телефона. Затем направился в коридор, пытаясь на слух определить, из какой щели рингтон задорно выдает «Хава Нагила».

Телефон нашелся в вазе с виноградом. Макар, выщипив горсть сладко-кислых ягод, ответил с полным ртом.

– Шлушаю? – прошамкал, стирая с подбородка брызнувший сок.

– Макар Дмитриевич? – спросил приятный баритон.

Макар отнял от уха телефон и посмотрел на экран. Номер был ему не знаком. Интересно, кому он понадобился ранним субботним утром, когда все приличные люди, да и неприличные – чего уж! – заняты самими собой.

– Макар Дмитриевич Чердынцев? – уточнил мужской голос.

– Их бин натюрлих, – ответил Макар и упал в удобное мягкое кресло.

На другом конце провода кашлянули. Макар пригладил подсыхающие волосы и, стараясь быть вежливым, произнес:

– Доброе субботнее утро! Вы абсолютно правы. Это я – Макар Дмитриевич Чердынцев. Операторам телефонных сетей просьба не беспокоить, кредиты не предлагать. И, пока я добрый, то не буду ругаться матом, – он хмыкнул и закинул загорелые длинные ноги на журнальный столик.

– Да-да, конечно. Вы простите, что я звоню... Действительно, суббота, – в голосе незнакомца появились извиняющиеся нотки. – Просто у нас тут новогодние утренники всюю. И времени уже почти девять, вот я и подумал...

– Действительно, – пробормотал Макар. – Утренники, надо же! Только я уже вышел из этого возраста, у меня теперь, в основном, вечерники, если вы понимаете, о чем я...

– Хм... да... в общем, конечно. Позвольте представиться, и еще раз прошу извинить...

– Да боже мой, прекращайте вы свои реверансы! – Взгляд Макара уткнулся в недопитый стакан, и живот стянуло болезненным спазмом с очередным напоминанием о том, что здоровье можно очень даже легко пропить и проесть.

– Меня зовут Альберт Венедиктович, – представился мужчина.

Макар терпеливо ждал, прикидывая, чем бы ему позавтракать, чтобы заглушить воспоминания о вчерашних суши и горячительном. Хорошо, что они в клуб вечером не поперлись и девиц не пригласили. Все-таки, 26 лет это вам не 18, силы уже не те...

– Я звоню вам по поводу вечера памяти незабвенной Амалии Яновны, который состоится в нашем театре...

От неожиданности Макар хрюкнул и заерзал по велюровой обивке.

– Так, с этого места, пожалуйста, поподробнее, Венедикт... Э...

– Альберт Венедиктович, – подсказал ему собеседник. – Художественный руководитель Добринского театра драмы.

– О как! – подобрался Макар. – Очень приятно. Так что вы сейчас сказали? Незабвенная и что-то там еще... Кто?

– Амалия Яновна Горецкая. Старейшая актриса нашего театра, почившая...

– Почившая? – подскочил Макар.

– Ну да... – кажется, теперь и собеседник был несколько обескуражен.

– Ну и дела... А откуда, кстати, у вас мой номер? – вставая, с подозрением спросил Чердынцев.

– О, это длинная история...

– Что ж, кажется, я готов ее выслушать, – переваривая новость, Макар направился на кухню и достал пару сырых яиц из холодильника.

– После безвременной и трагической для всего театрального сообщества смерти Амалии Яновны...

– Если не ошибаюсь, ей было лет восемьдесят пять, – Макар примерился и разбил первое яйцо на сковородку. Следом за ним последовало второе, которое плюхнулось на дно вместе с кусочком скорлупы. Макар стал возить пальцем в скользкой жиже, пытаясь выковырять осколок.

– Девяносто, – полным уважения эхом отозвался Альберт Венедиктович. – Так вот...

– Подождите, так значит, она умерла. Когда? – Макар включил плиту и подошел к окну.

Синоптики не врали – снегопад усилился, что, впрочем, его не особо волновало. Раньше понедельника Макар не планировал даже нос показывать на улицу. Диван, сериал, фрукты и минералка – воскресный релакс обещал минимум приключений, но максимум здорового и цветущего вида в начале недели.

– Позавчера. Ночью. А обнаружили вчера ближе к обеду. Вероятно, вам еще не сообщили... – снова кашлянул мужчина.

– А должны были? – удивился Макар.

– Ваш телефон мы нашли в ее вещах, в гримерке. Она, конечно, давно не играла, но время от времени радовала нас своим присутствием. Поэтому, кое-какие ее вещи оставались в театре, чтобы... Ну вы понимаете...

– Еще бы не понять, – покачал головой Макар. «Похоже,

эта гримза до последнего не желала сдавать своих позиций.»

– Так вот. В ее книжке, где она делала пометки для своих ролей, было записан ваш номер и имя как Макар – «недостойный внук», извините. А наш корифей, Демонюк Александр Карлович, который служил театру рядышком с Амалией Яновной больше тридцати лет, и вместе с ней дышал пылью кулис, подтвердил, что...

По кухне поплыл сизый дым. Макар принюхался и, выругавшись, схватил сковородку, чтобы тут же скинуть ее в раковину. Раздалось громкое шипение и скворчание от воды, попавшей на раскаленный металл. Макар распахнул форточку, и уличный воздух ворвался внутрь, разбавив прогорклый запах яиц острой морозной свежестью. В это время из трубки продолжало монотонно нестись:

– Вы были представлены с Александром Карловичем друг другу в ваш последний приезд, помните? У Амалии Яновны был спектакль, и мы искренне думали, что сможем отметить ее девяностолетие в стенах нашего театра, но судьба распорядилась иначе...

– Ну да, ну да, что-то припоминаю, – Макар отломил кусок бородинского хлеба и принялся жевать его, рассматривая через стекло водителей, которые пытались откопать во дворе свои авто.

– Александр Карлович сейчас болен, поэтому вряд ли сможет присутствовать на вечере памяти...

– Вы меня запутали совсем! – вспыхнул Макар и, схватив

чашку, набрал в нее воды. Залпом выпил и с трудом сдержал рык, уткнувшись в локоть. – Вы действительно считаете, что я должен заниматься вот этим всем... Встречи, вечера... бенефисы?!

– О нет, этим займемся мы.

– Так какого же...

– А разве вы не собираетесь хоронить Амалию Яновну? – ахнул собеседник.

– Хоронить?! – обомлел Макар. В голове наконец начинало проясняться. – А... Как... Э... – Он несколько раз крепко зажмурился и потряс головой. – Меня просто никто не предупредил, что я...

– Я передал ваш номер в органы, но сами понимаете, у них дела, служба, рутина... Вчера я тоже пытался дозвониться до вас, но...

– Суматошный день, пятница, – попытался кое-как справиться с мыслями Макар.

– Но смерть не выбирает... – протяжно резюмировал худрук.

– Так, мне ведь, наверное, что-то уже нужно сделать сейчас? А то ведь...

– Да вы не переживайте, Макар Дмитриевич! Без вас не начнут! Там сейчас какое-никакое следствие. А справочку от полиции вы получите, как приедете. И мы сразу все организуем по высшему разряду! В театре и копеечку собрали на помин...

Макар сглотнул и сел на табуретку. По коже пробежал озноб от холодного зимнего воздуха.

– Про копеечку мы с вами попозже поговорим, – заявил он. – Следствие, говорите?

– Нам сказали, что обстоятельства выясняются. А я склонен доверять нашим органам. Так что, по всей видимости, как только вы появитесь, все и станет известно, – почти радостно закончил собеседник.

– Я как бы тоже склонен доверять органам, особенно своим, – Макар покрутил головой, разминая шею. Затем заметил на столе пластиковую баночку с аспирином и выскреб из нее последнюю таблетку.

– Вы же ее единственный наследник, как я понимаю, – тихо сказал Альберт Венедиктович.

– Недостойный внук, ага, – кивнул Макар. – Только я вам больше скажу – не внук я ей вообще-то. Так, седьмая вода на киселе. Что-то там по кривой линии через одно место.

– И все же, насколько мне известно, Амалия Яновна оставила после себя завещание в вашу пользу...

– Я смотрю, вам довольно много известно! – нервно хохотнул Макар.

– Добринск – маленький город... – вздохнул собеседник.

Макар промолчал, вспоминая тихие улочки, центральную площадь со старинным фонтаном и здание театра с выкрашенными белой известью колоннами... От холода его кожа покрылась мелкими пупырышками, но он не обращал на это

никакого внимания, сосредоточившись на воспоминаниях. Тряхнув головой, наконец выдал:

– Мне нужен час, чтобы собраться. На машине дорога займет еще пять, – он посмотрел на падающий снег, – или шесть...

– Конечно, Макар Дмитриевич! Мы вас будем ждать. И знаете что? Я уверен, что Амалия Яновна имела в виду совсем другое, когда писала, что вы недо...

– Всего доброго, Венедикт Альбертович! Ваш номер у меня есть. Позвоню.

– Альберт Ве... – проблеяло в трубке, но Макар выключил телефон и сжал челюсти.

Может и хорошо, что он нажрался вчера? Потому что на здоровую голову ни об Амалии Горецкой, ни о провинциальном театре, ни о Добринске он не хотел даже слышать. Вновь где-то в глубине поднялась горечь, и Макар стащил с себя полотенце, чтобы вытереть покрывшееся испариной лицо.

Он знал, что в этом виноваты не вчерашние посиделки, и не суши. Кажется, это вновь прорезался голос совести, который молчал последние пять лет.

Глава 2. Макар

– Жора, ты слышишь? – прокричал в трубку Макар, счищая снег с капота своего кроссовера. – Не мычи, отвечай только да или нет! А лучше, только – да! Проект на тебе! Потому что я уезжаю по семейным обстоятельствам. Хватит ржать! Нет, не на свадьбу. На похороны. Если не прекратишь ерничать, то следующие будут твоими. Вернусь во вторник, а может, и раньше. На связи, короче! Держи оборону, и чтобы ни одна вошь не проскочила, понял? Стройка наша, я тебе точно говорю!

Усевшись внутрь, Макар включил двигатель и обогрев. Дворники со скрипом заскребли по замерзшему стеклу. Откинувшись на подголовник, Макар прикрыл глаза, а через минуту набрал другой телефонный номер.

– Мам, привет, ты как? Да, все нормально. Конечно, завтракал. Слушай, я в Добринск на пару дней сгоняю. – Он взглянул на себя в зеркало и провел ладонью по легкой щетине. – Амалия умерла. Да, представляешь. Позвонили. Я потом тебе все расскажу. Ты не переживай, ладно? – выслушав ответную тираду, Макар улыбнулся. – В России зима, ма! Морозы! Снегу как у вас песка. Ну ты чего, мусь? Одет в тепленькое, да! Жопка, правда, вечно в мыле, но я пострижен и умыт, не чахну! И вообще, Макарка уже большой мальчик! Прямо, конь! Все, бай-бай!

Растегнув пуховик, Макар потянулся и стащил перчатки без пальцев – гловелетты были из мягкой замши, удобные, словно вторая кожа. Путь предстоял не близкий, но салон уже достаточно прогрелся. Первую остановку Макар решил сделать перед выездом из Москвы ради нажористого бургера и крепкого кофе. Пока, как ни странно, ничего подобного не хотелось. Разговор с худруком начисто лишил Макара аппетита. Сам факт того, что придется тащиться в заштатный городишко ради той, которая ненавидела его семью, включая самого Макара, доводил его до бешенства. Но не оставлять же старую ведьму на поругание театральной копеечкой, даже если она этого и заслуживает. Что уж теперь – кто старое помянет, тому глаз вон!

– А кто забудет, тому оба, – Макар отщелкнул верхнее зеркало на место и скинул верхнюю одежду, оставшись в кашемировом свитере, джинсах и удобных «тимбах». Если Амалия надеялась на то, что хоронить ее он будет в траурном сюртуке, то старушке следовало бы озаботиться этим раньше. Будь Макар понаглее, он бы вообще обрядился в белый пиджак и розовый галстук, чтобы увидеть, как у нее перекосит лицо.

«Черт, о чем это я? – подумал он. – Старухе уже все равно... Наследник! Смешно. Руку даю на отсечение, что эта маразматичка приготовила мне еще не один сюрприз. Надеюсь, похоронами все и закончится. Нет, мне, конечно, денег не жалко на благое дело, но если там долги, кредиты или еще

что похуже в виде наследуемого, то нет, увольте...»

С ветрового стекла потекло, дворники забегали веселее, плейлист был настроен на любимые Макаром блюзовые композиции. Мать называла их стонами рожающей кошки, дразня, оказавшись с ним в одном салоне, моментально засыпали, а вот отец раньше любил порассуждать о композиции и отличиях ритм-н-блюза от блюз-рока.

Закинув в рот мятную пастилку, Макар хлопнул в ладоши и сделал звук погромче.

– Надеюсь, Амалия Яновна, вы оцените мой героический поступок, – пробормотал он, выезжая со стоянки.

Субботние улицы были полны людей и машин. Положив подбородок на рулевое колесо, Макар с кислой миной ждал, когда рассосется пробка. Бросив взгляд на бегущую по тротуару толпу, он думал о том, что скоро Новый год, что праздника совсем не чувствуется, как бы призывно не горели гирлянды, и сколько бы мандаринов ты не съел. Радовало только то, что их проект заметили, и что им с Жоркой улыбнулась удача. И инвесторы нашлись, и откаты оказались вполне приемлемыми. Да, стройка в небогатой области, но ведь и там люди живут! Хорошие люди, для которых они и делали свою работу.

Проектное бюро они с Жорой запустили с нуля, своими силами. И пять лет пахали, как проклятые, вкладывая каждый рубль. Круговерть из встреч, провалы, голодные дни, маленькие победы, – все это было. Но теперь, когда их про-

ект застройки нескольких парковых зон занял первое место на конкурсе, о них узнают. И тогда мать успокоится и перестанет зазывать его к себе. Она еще молодая женщина, красивая к тому же. Но после смерти отца даже не смотрит на других, а зря. Не то чтобы Макара это напрягало, но он действительно уже взрослый мальчик, и ему нужна свобода. А денег он заработает и на себя, и для нее. Замуж бы ей, конечно, а она все – внуки, внуки...

Нет, к такому он был абсолютно не готов.

Макар перевел взгляд левее и узрел за окном соседней машины кривляющуюся физиономию лет восьми, к которой тут же присоединилась вторая, приблизительно того же возраста. На передних сидениях восседали предводители этого обезьяньего племени и, по всей видимости, переругивались между собой. Во всяком случае, дама с очень недовольным лицом в боевой раскраске кривила полные губы, махала руками и демонстративно закатывала глаза. Ее супруг дергался на водительском сидении, тыкал пальцем в лобовое стекло, пытаясь что-то ей доказать или объяснить, отчего его красные щеки тряслись, словно желе. Заметив, что Макар смотрит в их сторону, недовольная мадам на мгновение замерла, оценивая обстановку, а потом Чердынцев по ее губам прочитал то, что в переводе и озвучке не нуждалось. Вздохнув, он отвернулся и покачал головой. Не стал показывать даме ни язык, ни средний палец, хотя у него просто свербело от желания сделать именно это. Через несколько минут его ряд

пришел в движение, и совсем скоро «зоопарк за стеклом» остался позади.

Все-таки природа насмехается над людьми, даруя им возможность размножаться без каких-либо морально-нравственных ограничений. Или эти вещи в принципе не могут быть связаны? – философствовал Макар. Взять хоть ту же Амалию Горецкую – прожила же старушка, не произведя на свет никого подобного себе. И слава богу, как ни крути. Страшно представить, что бы передалось потомкам от этой женщины. Хотя, может он излишне сгущает краски? И когда-то она действительно была юным трепетным цветком?

Не сдержав ухмылку, Макар все же стер ее с губ ладонью. Представить Горецкую цветком у него никак не получалось. Но зато перед глазами тут же всплыло другое лицо – легкий туманный образ, будто сотканный из колебаний воздуха над водой, – темные шелковистые волосы, волной спускающиеся вдоль спины, и нежные руки с тончайшими запястьями вокруг его шеи...

Резкий сигнал безопасности кроссовера заставил Макара встряхнуться. Ремень затянулся туже, но Чердынцев успел дать по тормозам, чтобы не вписаться в багажник автомобиля перед ним. Желудок обдало горячей волной, которая поднялась до самой груди и пробежалась мурашками по спине.

«Не надо об этом думать. Это прошлое. Ничего уже нет. Надо просто принять, что...»

Со всех сторон гудели клаксоны, водители нервничали.

Отмахнувшись от назойливых мыслей, Макар сосредоточился на дороге.

«Надо просто принять... И поесть нормально.»

Чердынцев сделал остановку лишь через два часа после окружной. Побег из дорожной пробки ради перекуса оказался попросту не возможен. Шею ломило, глаза чесались, желудок завывал, словно голодный зверь. Ввалившись в придорожное кафе, Макар обвел жадным взглядом витрину, но взял лишь двойной борщ и свекольный салат.

Привычка есть «красную» еду у него сформировалась в то время, когда заболел отец. Мать искренне верила, что свекла чистит кровь, поэтому каждый день кормила их блюдами из корнеплода. Но, к сожалению, даже израильская медицина оказалась бессильна перед лицом тяжелой болезни, и отец тихо скончался дома в окружении большой семьи и близких. Большая семья – это еврейские родственники матери, на которой отец Макара, Дмитрий Макарович, женился еще в Москве, когда они были студентами. Тогда еще был жив дед, и именно он настаивал на том, чтобы молодые переехали. Но оставлять старика в сложные 90-е никто не решился, а сам Макар-старший категорически отказывался покидать родину. Переезд состоялся только после того, как не стало деда, а Макару-младшему исполнилось два года. Квартиру решено было не продавать, и в дальнейшем это стало для Чердынцева колоссальным подспорьем.

Пять лет назад он вернулся в Россию, чтобы доучиться,

пустить корни и построить бизнес. Закончив Архитектурный институт, Макар с восторгом окунулся в работу, а попутно стал искать родственников по отцу, увлекшись изучением генеалогического древа. И если со стороны матери ветви были усыпаны «листвой» более чем щедро, то отец не мог похвастаться обилием родни, хоть и бережно хранил все старые письма и фотографии, оставшиеся от предков.

Как оказалось, был лишь один человек, который имел пусть и далекое, но родственное отношение к ним. Амалия Яновна Штерн упоминалась в письмах, которые одна из прапрабабок писала своей сестре. И в тех письмах она преподносилась как «...милая красивая девочка с тонким лицом и пышными волосами. Херувим во плоти и крови. Нежнейшее создание другой эпохи...».

Ничтоже сумняшеся, Макар Чердынцев начал поиски через архивы и справку, пообещав отцу, что в любом случае отыщет место, где она похоронена. Возраст старушки просто не оставлял надежд на встречу. И каково же было удивление Макара, когда однажды он увидел в интернете статью о Добринском театре. Собственно, искал-то он архитектурные примеры зданий дореволюционных построек, а наткнулся на фотографию с изображением чествования корифеев сцены, датируемую годом ранее. Двое мужчин и женщина сидели в креслах с высокими спинками в окружении цветочных корзин и других служителей Мельпомены, помоложе. Глаз моментально выцепил имена, которые были прописаны полно-

стью, а не инициалами. И среди них была Амалия Яновна. Правда, не Штерн, а Горецкая...

Макара это не остановило, и он с удвоенной силой принялся выяснять подноготную старой актрисы. И очень скоро сделал вывод, что бывшая прелестница и херувим Амалия Штерн вполне могла стать Горецкой в приснопамятные времена. Во всяком случае, обозначенный возраст вполне этому соответствовал. Но данных об этом он не нашел, поэтому решил разобраться лично.

– ...двести пятьдесят рублей! – донесся до Макара громкий недовольный голос.

Чердынцев вздрогнул и посмотрел прямо перед собой.

– Ой, извините, это дорого. Давайте лучше просто три сосиски в тесте и сок. То есть... две сосиски. И сок не надо. У нас вода с собой есть, – миниатюрная женщина с двумя детьми рылась в кошельке, выуживая деньги.

– Мам, а пирожное? С розочкой... – тихо спросила девочка, дергая ее за подол простенького зимнего пуховичка.

– Денег мало! – шикнул на нее старший брат, хватая за руку. – Билеты на автобус дорогие, не понимаешь, что ли?

– Ну вы цены-то видите, женщина? Считать разучились? – донеслось из-за кассы.

– Извините... Солнышко, я потом куплю, ладно?

Девочка скуksилась, наморщила хорошенький носик, но через минуту уже стала «водить» по прилавок длинноногую Барби с замысловатой прической и обкусанными кистями

пластиковых рук.

– Так, ребятки, перекусим здесь, в автобусе жевать неприлично, – женщина откинула капюшон и поправила черную ленту в светлых волосах. Затем кивнула в сторону скамейки у стены. – У нас пятнадцать минут. Водитель ждать не будет.

Чердынцев увидел ее бледное лицо и сиреневые подглазины. Темная лента, по всей видимости, была траурной. Он коротко вздохнул. Когда семейство отошло в сторону, пододвинул поднос и оказался на месте блондинки.

Дородная кассирша с ярко-красными глянцевыми ногтями потыкала в кнопки карандашом и подняла на Макара насурьмленные очи. У ее локтя на тарелке возвышалась горка с надкушенными бисквитами и пирожками, а в уголках рта скопились сахарные крошки.

– Что застыл, красавчик? – широко улыбнулась она, и Чердынцев брезгливо отметил следы розовой помады на ее зубах. – Хочется чего-то необычного? – добавив томности в голос, вскинула она и без того изогнутую донельзя бровь.

– Да! Будьте любезны, – пытаюсь сохранить серьезное выражение лица, ответил Чердынцев. – Корзиночки у вас есть? Такие – с розочками и повидлом? И еще эклеры. Только, пожалуйста, свежие. И сок, пожалуйста, две пачки.

– Найдем! – «Прелестница» визгливо крикнула в сторону кухни: – Тонь, корзинки готовы? – похлопав ресницами, она легла мощной грудью на сложенные руки. – Все для вас...

За спиной Макара зароптали остальные посетители. По-

слышался стук блюдца. Когда с кухни доставили тарелку с пирожными, Чердынцев попросил пластиковую коробку, отсчитал обозначенную сумму и направился к свободному столу, попутно поставив коробку и сок перед женщиной с детьми. Блондинка подняла глаза и поджала губы, но Макар лишь качнул головой и подмигнул девочке.

Сев лицом к окну, он стал хлебать борщ, который оказался вполне приличным. Впрочем, Макар не был избалован домашней едой, а испортить борщ, по его мнению, могли только избранные. К счастью, с такими он еще не сталкивался.

– Дядя, спасибо!

Белокурая Барби помаячила у его плеча, и Чердынцев успел щелкнуть ее по носу.

– Спасибо, – сказала женщина, придерживая дверь, пока ее дети протискивались, держа коробку вдвоем.

Чердынцев сжал кулак и поднял его в воздух, обозначая свое отношение. И произнес при этом:

– Но пасаран!¹

Ее губы дрогнули в улыбке.

Через окно Чердынцев видел, как они сели в автобус, а потом махали, прижимая ладони к стеклу. Возможно, они его не видели, но Макар тоже помахал им в ответ.

– М-да, кому на Руси жить хорошо, тому и везде неплохо.

¹ No pasaran (исп.) – буквально эта фраза переводится как «они не пройдут». Нередко ее используют в разных контекстах и тогда она может означать ненависть, солидарность, приветствие при встрече, пожелание или напутствие на прощание (Держись!», «Прорвемся!»).

XO...

Глава 3. Серафима

За окном завывала декабрьская выюга, колкие снежинки бились о стекло, а промерзшие уличные ставни ритмично и гулко постукивали от ветра. Сима медленно вытянула ноги, чтобы не мешать Илюшке упираться коленками в ее живот, и сразу же ощутила, как повеяло холодом от стены. Дыхание мальчика выровнялось, но сквозь сонное полузабытье она все еще слышала булькающие хрипы в его груди. Завтра нужно будет обязательно выбраться из дома, чтобы купить молока. Кажется, при въезде в поселок есть продовольственная лавка. Вот только вряд ли в ней можно расплатиться картой, которую, к тому же, могут отследить, а наличных осталось совсем немного.

Впрочем, надо радоваться уже тому, что на старой даче есть свет, электрическая плитка и запас круп. Конечно, с давно истекшим сроком годности, но на первое время им хватит. На первое время... А что дальше?

Сима глубоко вздохнула и уткнулась лицом в подушку, от которой пахло то ли нафталином, то ли слежавшимся пухом. Илюша заворочался, выпростав из-под тяжелого ватного одеяла горячие ладони, и желание плакать у нее тут же пропало. В груди стало тепло от подступившей нежности и сладкой боли.

– Ма... – пробормотал мальчик во сне.

– Тш... тш... – Серафима нашла губами его висок и прижалась к нему губами.

Сон окончательно пропал. Укутав сына, Серафима устала в оклеенную бумажными обоями стену, стараясь прогнать непрощенные мысли. Но словно назло, они настойчиво лезли обратно, насмехаясь и тыча страшными картинами произошедшего – мертвое лицо Горещкой с приподнятой над вставной челюстью верхней губой, скрюченные пальцы на отполированной столешнице, и разорванное кружево воротничка на ее сморщенной шее... Сима едва успела подавить рвущийся наружу стон, чтобы не разбудить Илюшу.

За окном была глубокая ночь, белесая от пурги. Снегу теперь навалит до самого порога, и надо будет исхитриться выйти так, чтобы не оставить следов и не привлечь к дому чужого интереса. Хорошо, что в поселке горят редкие фонари, так хотя бы можно понять, что ты не одна на всем белом свете...

Раздалось легкое цоканье коготков по полу. Сима шмыгнула носом, развернулась и протянула руку. В ладонь ей тут же уткнулся холодный мокрый нос.

– Замерз? – еле слышно прошептала она в темноту и приподняла краешек одеяла со своей стороны. – Ну ладно, иди... Только тихо.

Маленькое мохнатое тельце в ту же секунду оказалось на кровати и, повозившись немного, дрожа, прижалось к ее боку.

«Правила воспитания, гигиена? Нет, не слышали...»

Ровное сопение со обеих сторон немного успокоило. Вздохнув, Сима опять закрыла глаза. Но с новым витком холодного ветра под крышей в голове зашумело:

«...Это домработница ее убила, точно вам говорю! Видела я, как она в ночи из квартиры убегала...»

По вискам заструились горячие слезы: господи, как же она виновата! Перед Горецкой, перед Илюшей... За сына было особенно больно: у него нет отца, а теперь, если ее осудят, то не будет и матери. Вообще никого не будет...

Три недели назад

Снег выпал в середине ноября, ночью. Накануне вдруг ударил настоящий мороз, и все моментально застыло и стало видеться будто через обработанный срез горного хрусталя – в легкой туманной дымке.

Сима проснулась около пяти и не заметила, что погода изменилась. Было темно, и хотелось спать. Кажется, только пригрелась под боком у Илюшки, а вот уже и вставать пора. Пятнадцать минут на сборы, и тихо, на цыпочках, мимо кровати к входной двери. Хорошо, что детский сад в ста метрах от их дома. Илюшка даже не заметит ее отсутствия: это он укладывается долго – требует сказок, почесываний и поглаживаний, а утром в сад пушкой не разбудишь!

Какой же он красивый! При взгляде на пушистые черные ресницы и румяные щеки Симу всегда накрывает безудерж-

ной нежностью – мой любимый мальчик! Самый-самый...

Ботинки, курточка, шапочка... Закрыв дверь и провернув ключ, Сима прижалась ухом к холодной обивке – тихо. Побежала вниз, перепрыгивая через ступеньки и на ходу застегивая молнию.

Пока дошла до ворот детского сада, успела продрогнуть. С удивлением она рассматривала в утренних сумерках снежный покров под ногами и пыталась сообразить, что в этом случае придется делать. Ведь, кажется, только вчера мели венником и сгребали чернеющие листья, и вот, нате вам, – зима. И снег...

Соседка с первого этажа, Валечка Андреевна, упростила заменить ее на время своей поездки и помочь с уборкой территории. К свекрам поехала, кто-то из них сильно заболел, а Сима не стала выпрашивать. Сама Валечка тянула двух детей, поэтому совмещала – работала воспитателем и дворником. И если в группе ее заменили в связи с вынужденной поездкой, то убираться никто не согласился. А Сима приняла предложение с радостью. Кому же помешают лишние деньги? Да и не лишние они, а необходимые. Валечка Андреевна так и сказала: Сима, давай! И Сима дала. Ничего, не надорвется. Соседка ведь живет как-то, и дети у нее хорошие, воспитанные. Бывший муж, правда, алкаш и гулена, да этим в Добринске никого не удивишь. Валечка ведь как по молодости думала – приезжий, инженер. Значит, генетика хорошая. И то правда – детишки получились симпатичные – гла-

застые в Валечку, и кудрявые в папашу. Но, то ли заскучал сосед, то ли трудностей испугался, а загулял, выпивать начал и по «работе» задерживаться... Сима частенько слышала, как они скандалят. Потом он другую женщину себе нашел и к ней ушел. Теперь скандалят там, а у Валечки Андреевны стало тихо и запахло пирогами на выходных. Счастья, конечно, от этого мало, а женского вообще нет, но ведь и ждать-то его неоткуда.

Сима подняла голову и подставила лицо под кружащиеся снежинки. Затем крепко зажмурила глаза, и под ресницами тут же стало мокро и горячо.

Тает... Тает снег от горячих слез... Жарко... Жарко от воспоминаний...

– Глупости все это, – прошептала Сима, вытерев щеки рукавичкой. – Блажь и дурость... Права Амалия Яновна.

Когда Сима произнесла имя старой актрисы, по телу привычно пробежала нервная дрожь. Ведь уже скоро полгода, как она работает у Горецкой приходящей домработницей, а поди ж ты, вздрагивает от одной только мысли о ней.

Быть домработницей, конечно, не профессия. А для многих и вообще – самая ужасная стезя. Прислуга, фу... Но Сима радовалась и считала, что ей повезло. Предложений для одинокой молодой женщины с ребенком не так уж много. Как-то надо выкручиваться. Тем более, Илья еще такой маленький, а больничные никакого работодателя не обрадуют.

Но кто же знал, что все так получится?

Учеба теперь растянулась. Первый курс еще легко закончила. А там понеслось – смерть бабушки, беременность, роды...

Ну ничего, теперь с божьей помощью все устроится. Должно же получиться, правда? Не все же беда с горем в догонялки играть будут. Главное, у нее Илюшка есть, а остальное приложится. Доучится на заочке и вперед... Бабушка ведь как говорила: без бумажки ты какашка, а с бумажкой человек.

«Но, знаешь, бабуля, времена очень изменились. Да ты и сама это все прекрасно знала...»

Серафима вдохнула утренний морозный воздух и прислушалась к скрипу под ногами. Хо-ро-шо, все будет хо-ро-шо... Надо просто ждать и не роптать. Потому что только так и случаются чудеса. И этому есть доказательство. Вон оно спит, разметавшись поперек кровати!

А ведь у нее даже фамилия говорящая – Жданова, а это значит, что надо ждать. Всему свое время.

Юркнув за ворота, подпрыгивая и потирая руки, Сима постучалась в служебную дверь.

– Кто? – донеслось изнутри.

– Это Серафима, я за Валечку вышла... – стуча зубами, сказала Сима.

Дверь приоткрылась, выпустив наружу сгусток теплого пара.

– Заходи скорее! – сторож баба Маша втащила Симу в

помещение и оглядела с головы до ног. – Нос-то красный! Замерзла? – усмехнулась она и тут же пошла громыхать в угловом шкафу. – Ничего, согреешься! Лопатой повозишь, так семь потов сойдет! На-ка, вот, держи! Эта, вроде, полегше... – сторожиха сунула Симе широкую лопату. – Ты, главное, дорожки прочисть, поняла? От ворот, вокруг, и до теремов, на всякий случай. Может, разгуляется еще погодка-то. Глядишь, старшие группы выведут. Твоему-то сколько?

– Четыре уже, – улыбнулась Сима. – Ну что, я побежала?

– Беги! Приходи потом, чаю попьем...

– Нет, я не могу! Он у меня один дома.

– Ну да... ну да... – вздохнула женщина.

Сима вышла и огляделась. В световых кругах от фонарей снег блестел и искрился, словно сахарный песок, и от этой мерцающей красоты ей вдруг стало очень хорошо... Странно было вновь чувствовать что-то, кроме навязчивой боли и томящей грусти. Но за последние месяцы, за эти очень трудные и жесткие месяцы, Серафима Жданова вдруг ощутила такую внутреннюю силу, которой раньше у нее точно не было.

Горецкая пила ее кровь изо дня в день, шпыняла, злословила, говорила гадкие вещи и, кажется, задалась целью испортить Симе жизнь окончательно, но...

Серафима ухватила за древко лопаты, приналегла грудью и двинулась вперед – расчищать дорожку. Краем глаза

она посматривала на свои окна и думала о том, как сложится у нее со старухой Амалией сегодняшний день, какой суп для нее сварить и где найти освежитель воздуха с запахом японской орхидеи. А еще – кто кого вознамерился прибить, и кому это удастся первому...

Можно сказать, что Валечка Андреевна косвенно приложила руку и к тому, что Сима стала работать у Горещкой.

Серафима искренне считала соседку подругой, хоть и не было между ними ни посиделок за рюмкой чая, ни душевных разговоров. Обе были заняты по самую маковку, поэтому пересекались исключительно для того, чтобы помочь и поддержать друг друга. У Валечки и Симы были схожие характеры – обе не любили жаловаться и предпочитали заниматься детьми. Самое главное, что рядом есть человек, который не будет задавать лишних вопросов, а просто поможет решить возникшую проблему и не станет тратить время на обсасывание интимных подробностей, чтобы в итоге отказать. Даже о том, что Валечка Андреевна выгнала мужа, Сима узнала случайно, стоя в магазинной очереди за местными кумушками из соседнего подъезда.

Валечка Андреевна крутилась как могла, и до остальных соседей ей просто не было дела, если оно не касалось очереди на уборку подъезда или вкручивания общей лампочки в подъезде. Тут она, как человек практичный, решала проблему быстро и четко. Как и с собственным мужем – грязь в отношениях она ненавидела так же, как и грязь под ногами.

Когда умерла бабушка Серафимы, Валечка Андреевна плакала горше всех, а ведь и соседствовали-то они совсем недолго. Она и пирогов напекла на помин, правда Сима в тот день мало что соображала, но Валечку почему-то запомнилась... Соседями они стали незадолго до смерти бабули, когда семья Вали, получив материнский капитал за второго ребенка, переехала в квартиру на первом этаже.

Заговорили они друг с другом позже, когда Симин живот уже было не спрятать. А Сима и не прятала. Плевать ей было на взгляды и шепотки за спиной. Она складывала ладошки поверх обтянутого водолазкой животика и шла себе мимо досужих сплетниц. Кому какое дело, когда и от кого? Главное, что теперь она будет не одна.

И даже когда вставала на учет и ходила на УЗИ, несколько раз переспрашивала: а точно один ребенок? А может, все-таки, два? Очень ей хотелось, чтобы семья большая была. Вот чтобы раз – и... Врач смотрела на нее поверх очков и только что у виска не крутила. Сима опускала глаза, и щеки ее горели от язвительного и пристального внимания. Но ей тогда уже исполнилось 19 лет – взрослый человек, который сам в состоянии отвечать за свои поступки. Сима действительно считала, что сможет преодолеть любые трудности. И пусть это свойственно молодости, когда еще нет жизненного опыта, а будущее окрашено в цвет розового фламинго. Да и видишь ты его не вдаль, а, скорее, вширь. Обман зрения, короче. Но Сима не жалела об этом – она знала на сто процентов,

что лучше жить в этом розовом обмане и вспоминать одинокими ночами те несколько часов счастья, чем признать, что это была лишь глупая необдуманная связь. Да, необдуманная, глупая, но не было и не будет в ее жизни ничего прекрасней этого...

Когда Валечка Андреевна, стоя у почтовых ящиков, увидела Симу, то не сдержала удивленного возгласа.

– Здравствуйте, – смущенно улыбнулась Серафима, пытаясь прошмыгнуть мимо.

Родившая за год до этого младшую дочку, соседка моментально оценила обстановку.

– Привет, – она сунула газету в карман и придержала Симу за локоть. – Когда срок?

– В сентябре, – прошептала та. – Десятого.

– Нормально, – кивнула соседка. – Очень даже хорошо! В сентябре еще тепло, и фрукты есть. Светка у меня январская, так все на руках приходилось таскать или такси вызывать. В санки не пихнешь, чтобы до поликлиники добраться, и вечно снега по колено. А в сентябре на коляске самое оно. Выгуливать станешь – быстрее окрепнет и болеть не будет.

– Да, – согласилась Сима, подумав, что коляски-то у нее и нет.

Словно прочитав что-то по ее растерянному взгляду, Валечка Андреевна всплеснула руками:

– Слушай, а ведь хорошо, что я тебя встретила! Ты вообще где пропадала? Когда же мы последний раз виделись?

Неужели...

– Да, – снова кивнула Сима и закусила губу, подумав о бабушке. – Я в институт ездила, у меня экзамены и зачеты были. Там в общежитии жила, – объяснила она, нервно сжимая пальцы и умолачивая о том, как теперь тяжело ей было находиться одной в квартире. – Академ придется оформлять, наверное.

Соседка приподняла руку, указывая на ее живот, но потом медленно опустила.

– И оформишь. Я к чему веду – у меня вещи остались. Целый мешок! Отдать некому. Хотела в церковь снести, или, может, в соцслужбу. А теперь думаю, зачем? У меня там и для мальчика, и для девочки, со старшего много чего осталось. А младенцу все равно – лишь бы мягонькое да чистое. Ты кого ждешь-то?

– Мальчика, – взволнованно выдохнула Серафима.

– Пацан? Круто! – рассмеялась соседка. – Хороших мужиков надо воспитывать, а то кругом одни гов... – она прикусила губу и покосилась на двери собственной квартиры. – Может, хоть наши парни нормальными вырастут, как думаешь?

Сима в недоумении пожала плечами.

– Короче, я тебе занесу, а ты посмотри на вещи. Возьми, что нужно, ладно? – кивнула женщина.

– Спасибо, Валентина Андреевна.

– Да ну... Какая я Андреевна... Можно просто Валечка...

– Спасибо огромное, Валечка Андреевна! А я вам шаль свяжу, хотите?

– Шаль? – удивилась соседка. – Шаль... С кисточками, что ли?

– Можно и с кисточками! Я узоров много знаю, меня бабушка научила.

– Слушай, а ты моей Светке носки не свяжешь? Вместо шали, а? На ночь хорошо. Распахнется, а ножки в тепле.

– Конечно! И носки свяжу. Клубочки у меня разноцветные, шерстяные. Мы с бабулей много вязали... – на глаза Симы навернулись слезы, но она улыбнулась своим воспоминаниям...

Когда Серафиме было хорошо, а особенно, когда плохо, она брала в руки спицы. В ее сумке всегда лежал какой-нибудь клубок. Если тот заканчивался, она брала следующий и вязала, вязала, вязала...

"Что ты с ума сходишь? – говорила бабушка. – Иди, пальцы поколи. Сразу станет легче!"

Со временем пальцы привыкли, как и душа привыкла успокаиваться под звонкое постукивание спиц. Бабушки уже нет, а ее голос до сих пор отзывался в голове у Симы: "Все наладится, не грусти. А когда станет лучше, у тебя уже и шарфик новый появился..."

– Ты ведь одна живешь? – осторожно спросила соседка. Сима коротко кивнула.

– Тогда надо в соцслужбу сходить, – деловито заметила

Валечка Андреевна. — Там коммуналку пересчитают и вообще, если ты ребенка одна будешь воспитывать... — она вздохнула. — Льготы положены.

— Мне не надо ничего... У меня деньги есть. Бабушка оставила...

— Насколько мне известно, фамилия твоей бабушки не Ротшильд. Так что не ломайся и сходи. И за сад тебе скидка положена. Поняла? Как матери-одиночке.

Сима вздрогнула и приложила руку к животу — малыш дернулся, и сердце ее застучало быстрее.

— Соцслужба на то и рассчитана, чтобы помогать. Там и пожилые, и инвалиды, и другие категории...

— Я не инвалид, я работать могу.

— Эх, — покачала головой Валечка Андреевна, — работница... Ладно, придумаем что-нибудь. Пока твое дело питаться хорошо и не болеть. А там поглядим...

Сима родила в срок и потом следовала указаниям Валечки Андреевны. Брала заказы, пока сидела в декрете, через год перешла на заочное. А когда Илюша пошел в младшую группу к той самой Валечке, стала искать себе применение.

Глава 4. Серафима

Сима мыкалась с одной работы на другую. Два месяца разносила почту, заменяя почтальоншу на время ее операции и больничного, потом какое-то время мыла полы в небольшом торговом центре. Илюшка начал болеть, и о чем-то более или менее серьезном Сима пока думать не могла. Хорошо хоть училась на бюджете, но те же поездки выходили в копеечку, да и сына на время сессии оставить было не с кем.

Она ломала голову над тем, как быть дальше, пока однажды ее не осенило – нужно просто перевестись в какое-нибудь учебное заведение в Добринске, а не мотаться в другой город, пусть он и в три раза больше их тихого провинциального захолустья. Да, когда-то именно она уговорила бабулю, чтобы та отпустила ее поступать в педуниверситет, потому что ей очень хотелось простора и независимости.

Сима быстро обзавелась подружками-однокурсницами, с которыми ходила в кино и кафе. У нее были медового оттенка карие глаза и длинные волосы, которые она заплетала в толстую косу и сворачивала баранкой на затылке. Тонкая, невысокого роста, она чем-то неуловимо напоминала дореволюционных гимназисток в шитых бабулей блузках и плисированных юбках. Конечно, ей хотелось выглядеть современной.

Джинсы они прикупили под вздохи Ждановой-старшей,

да не одни, а сразу три пары. В них, как уверяла Сима, ей будет удобно ходить не только на пары, а даже в театр.

– Ну никогда мне этого не понять, – вздыхала Александра Николаевна. – Как же можно в одних штанах и в пир, и в мир, и в добрые люди?

– Современно же, ба, – смеялась Сима. – И модно. У нас все девочки так ходят.

– И девочки, и мальчики. Не женская это одежда, Симочка, – качала головой бабуля.

– А я знаю! Изначально джинсы шились для американских фермеров, – заявила внучка, демонстрируя свои знания.

– Ну-ну, – усмехалась бывшая учительница. – А вот знаешь ли ты, что подобную ткань изготавливали еще во времена Средневековья в городе Ним. И шили из этой жесткой саржи не только брюки, но и паруса для кораблей.

– Вот видишь, ба! Большому кораблю большое плавание! – радовалась Сима. – Чем я хуже моряка или фермера? Осталось только решить, какого цвета взять... Синие или голубые?

– Бери и те, и эти... А синих давай две пары возьмем. Одни пусть на смену будут. Цвет плотный, хороший. С блузочкой, наверное, очень даже ничего...

– Спасибо, родная! – прошептала Сима, прижимая к себе пакет с покупками. – Выучусь, пойду работать, и мы с тобой на море поедem! Для твоего сердца полезен морской воздух,

а в нашем Добринске только заросшая речушка, в которой воды по пояс.

— Да, девонька, обязательно поедем! Ты только учись, родная... И аккуратнее там. Ты ж у меня еще юная, глупая совсем...

Кто же знал, что уже через год с небольшим джинсы перестанут сходиться на талии, бабули не станет, и Симе придется решать совсем другие проблемы, нежели как выглядеть современно и модно...

Серафима перевелась в филиал педагогического института в Добринске и стала учиться на социального педагога. Теперь у нее не было ни веселых подружек, ни походов в театры и клубы. Клубы ей, конечно, и так не особо нравились, а вот театр... Даже в их местном театре драмы можно было прекрасно провести время. В сезон на центральной площади висели красочные афиши, и на портике старого театра растягивали большой плакат с приглашением на премьеру. А раз в году проходил фестиваль Островского, и их городок оживал, наполнялся новыми людьми, начинал как-то по-иному выглядеть — словно заряжался свежей энергией. Симма любила прогуливаться с Илюшей по площади, и пока он носился между клумбами за голубями, она сидела на резной скамейке, задумчиво глядя на каменный фонтан. Прижимая ладони к деревянным перекладинам сидения, она вспоминала тот самый вечер, который изменил ее жизнь.

Рядом с этой скамейкой возвышалась одна из цилиндри-

ческих тумб, на которые клеились объявления и реклама. Актриса Амалия Горецкая глядела на проходящих мимо людей свысока в прямом и переносном смысле с потемневшей афиши, датируемой именно тем самым днем. И Серафима, рассматривая ее гордый профиль и прямую спину, думала о том, что актриса все о ней знает и осуждает...

Как-то раз, когда Сима пришла в соцслужбу с какими-то документами, она заглянула и в центр занятости, находившийся в том же здании. И там услышала разговор между двумя работницами этих двух контор. Одна из них ругалась, поминая Горецкую. Все сводилось к тому, что старая актриса вечно недовольна соцработниками, которых ей присылают. А вторая отвечала, что и с биржи никто в качестве домработницы ей не понравился.

Сима подумала, что если она попробует занять это место, то хуже не будет. За спрос ведь денег не берут, а значит, если откажут, то и обижаться не на что. Не откладывая дело в долгий ящик, она решительно направилась в сторону кабинета, чтобы узнать подробности и предложить свою кандидатуру.

Вопрос решился быстро. После проверки паспорта и заполнения нескольких анкет, а так же после участия ее куратора, Симе было велено дожидаться согласия самой Горецкой, о чем ее в дальнейшем должны были известить.

Думала ли она о том, что встреча с "женщиной с афиши" станет еще одним крутым поворотом в ее судьбе, Сима вряд ли могла теперь вспомнить. Просто ей очень была нужна та-

кая работа, которая бы позволяла больше времени проводить с сыном. А перечень требований, которые выставляла Горецкая, был не так уж утомителен.

– Полы протереть, суп сварить, постирать, погладить и сходить в магазин, – зачитала женщина с биржи. – Сможешь?

– А чего тут мочь? – пожала плечами Серафима.

Женщина скривила лицо в гримасе, которая, видимо, должна была изобразить скепсис.

– Вот адрес, – она протянула визитку. – Пробный день бесплатный, если что... Но я даже не советую к ней идти. Взмалошная и злая она, эта Амалия Яновна, даром что культурный человек. Не знаю, в ее возрасте можно уже как-то и о душе подумать... А давай, мы тебе что-нибудь другое попробуем подобрать?

– И что? – вздохнула Сима.

Женщина потыкала кнопки на клавиатуре.

– Ну да, пока предложить нечего. Только торговля. Ты же у нас будущий педагог? Как диплом получишь, приходи. В школах текучка, постоянно кто-то требуется.

– Я тогда пойду пока к Горецкой? – спросила Сима, поглядывая на висящие на стене часы. Совсем скоро нужно было забирать Илью из сада.

– Сходи. Может, она тебе сразу скажет, чтобы ты завтра не появлялась. – Заметив удивленный взгляд Симы, женщина усмехнулась. – А то! Эта мадам прям звезда Большого театра. Так что, не обольщайся...

В тот день Сима сразу же нашла дом, в котором жила Горецкая. Собственно, что его было искать – столетнее здание из красного кирпича с полукруглой сквозной аркой стояло неподалеку от театра и было построено с ним в одно время.

Вокруг уже вовсю цвел май – небо было синее-синее, аромат свежей зелени щекотал нос и радовал глаз, а намытые еще к Пасхе стекла бликовали, разбрасывая солнечных зайчиков. Сима вдруг вспомнила, как одна из сокурсниц как-то сказала, что ни за что не выйдет замуж в мае, потому что это значило бы маяться всю жизнь. Потом Серафима не раз еще вспомнит это выражение в связи с Горецкой, будет злиться на себя за поспешность в принятии решения, но при этом не сможет разорвать этот круг. Или не захочет, тут уж с какой стороны посмотреть. Будто кто-то свыше заложил в ее голову мысль об этой работе, а затем направил ее ноги в сторону жилища старой актрисы.

Дом, в котором жила Сима, был обычной блочной пятиэтажкой, и сейчас, замерев перед входом в затемненную арку, Серафима представляла, какие, должно быть, высокие потолки в квартире Горецкой. Бабуля частенько сокрушалась, что современные здания больше похожи на коробки из-под обуви, а Серафима пожимала плечами – все так живут, во дворцах обретаются лишь короли. При этом, изредка бывая у кого-нибудь в гостях, она первым делом задирала голову, сравнивая высоту потолочных плит, будто заправский строитель или архитектор.

В центре Добринска подобных старинных зданий было всего три, и в двух сейчас располагались администрация, городской суд и горотдел полиции. Пока Симе не доводилось бывать ни в одном из них, да и стремления попасть туда у нее, разумеется, не было.

Повертев в руках клочок бумаги с адресом, она повторила про себя номер квартиры и имя хозяйки, прикидывая, как к ней лучше всего обратиться: не будет ли Амалия Яновна звучать слишком фамильярно, а госпожа Горецкая – глупо. Товарищ Горецкая – отмела сразу, а других вариантов просто не нашлось.

Сима решительно прошла сквозь арку, прислушиваясь к эху собственных шагов, дробью отлетавшего от прохладных темных стен. Оказавшись в тихом внутреннем дворике, заросшем по периметру кустами шиповника, она огляделась. В доме было всего два подъезда. Сима подошла к первому и, увидев панель домофона, набрала нужный номер. Мелодичный звонок успел прозвучать четыре раза, прежде чем раздался щелчок. Резкий голос настороженно спросил:

– Кто?

– Здравствуйте, Амалия Яновна, – от внезапного волнения у Симы перехватило дыхание, и потому ответ прозвучал не очень разборчиво.

– Кто? – в голосе собеседницы появились нотки раздражения.

– Меня зовут Серафима Жданова. Мне в службе по тру-

доустройству сказали, что... – торопливо начала Сима.

– Я же сказала, что мне ничего не нужно! – проскрипело в ответ.

– Пожалуйста... Может быть, вы подумаете? Мне бы очень хотелось работать у вас...

– Отойдите от двери! – приказал голос.

– Что? – вздрогнула Сима.

– Отойдите от двери.

Серафима отступила и, подумав, вышла на разогретый солнцем участок асфальта перед подъездом. Приложив ко лбу ладонь, подняла голову. В одном из окон второго этажа дрогнула портьера, но Сима не успела разглядеть того, кто скрывался за ней. Помаячив внизу пару минут, она вновь подошла к двери и нажала вызов. Вероятно, Горецкая могла расценить ее поступок как наглость, но... «Боже мой! – подумала Сима. – Что я делаю? Кажется, жду, когда меня просто пошлют по известному в широких кругах адресу...»

– Что? – будто издеваясь, спросил ее уже знакомый голос.

– Амалия Яновна, не могли бы вы меня выслушать, – кашлянув, сказала Сима. – У меня есть только час, и возможно, я бы успела что-то сделать для вас за это время. Сходить в магазин или, может, пропылесосить квартиру... Раз уж я здесь, то позвольте... – она запнулась, не зная, что еще сказать. Ее собеседница тоже молчала. Вероятно, прикидывала, а не воровка ли пришла к ней в дом. А может, вообще отключилась, оставив Симу договариваться с бездушным домофоном. Се-

рафима потопталась на месте и, уже не рассчитывая на ответ, развернулась, чтобы убраться восвояси. Именно в эту минуту раздался писк открываемой двери.

Серафима вошла в подъезд и узрела облицованный бежево-розовой матовой плиткой пол, ряд аккуратных почтовых ящиков на стене и деревянную кадку со здоровенным фикусом у зарешеченного подъездного окна. По обе стороны от широкой лестницы находились две двери. Рядом с одной из квартир стоял огромный кованый сундук.

«Картошку, что ли, в нем хранят?» – удивилась Сима.

Стояла такая тишина, что ей стало не по себе. Заходя в свой подъезд, Сима могла моментально определить, что соседи варят на обед, какой сериал смотрят, и у кого из детей выходит двойка за четверть. Здесь же было слышно только жужжание мухи, попавшей между оконными рамами.

Поднявшись на второй этаж, Серафима подошла к поблескивающей от лака высокой деревянной двери с витиеватой цифрой четыре. Матово светилась латунная круглая ручка. Никаких ковров перед порогом, и никакого звонка, к которому привычно потянулась рука.

Серафима вытерла ладони о подол и, сжав кисть в кулак, постучала. Звук получился глухим, из чего она сделала вывод, что дверь в квартире не фанерная, а из самого настоящего цельного дерева. Сима постучала сильнее, чувствуя, как снова повлажнели ладони.

Дверь скрипнула и замерла, сдерживаемая серебристой

цепочкой из крупных металлических звеньев. Сима прищурилась, пытаясь разглядеть в темноте хозяйку квартиры.

– Здравствуйте, Амалия Яновна! Меня зовут Сима, то есть Серафи...

Она открыла рот, наконец увидев Горещкую. Вернее, сначала Сима заметила руку, промелькнувшую перед ее глазами – крупный перстень задел цепочку и теперь, когда старуха проверила ее на прочность, эта рука уперлась о край двери. Пахло терпкими горькими духами. Сима не удержалась и почесала нос.

– Ты одна? – спросила Горещкая и выглянула на площадку поверх головы Симы.

Да, актриса была высокой – почти на полголовы выше Симы. Черное кружевное платье под горло и камея из слоновой кости озадачили и восхитили Серафиму. Бабуля ходила по дому в простом трикотажном костюме и фартуке, потому что все время что-то жарила-парила или прибиралась. У Симы же привычки носить фартук не было, поэтому теперь на каждом ее платье или кофточке можно было найти следы от шоколада или фломастера, которыми с ней щедро делился Илюшка.

– Одна... – кивнула Сима, ничего не понимая.

Брякнула цепь, проем расширился, и рука с кольцом, цепко ухватившись за плечо Серафимы, практически насильно втащила ее внутрь. Зажав Симу в углу, старуха нависла над ней, вперившись жгучим взглядом.

– Кто тебя подослал?! – прошипела она, и Сима с ужасом заметила, как у Горецкой задергалось левое веко.

«Господи, а если она сумасшедшая?! – запоздало подумала Серафима. – Вдруг она убьет меня? Что же тогда будет с Илюшей?!»

Глава 5. Макар

«Нет, старуха точно была сумасшедшей!» – подумал Чердынцев, разглядывая грязный зад идущей перед ним фуры. Забрав левее, он лишь на полметра высунулся на встречу, чтобы пойти на обгон, как тут же увидел легковушку, мчавшуюся на него на бешеной скорости.

– Да чтоб тебя!.. – выругался Макар, выкручивая руль и становясь обратно за фурой. Из-под ее колес поднималось грязно-серое облако и ошметки сырого снега летели прямо в лобовое стекло.

Чердынцев посмотрел в зеркало дальнего вида и чуть сбавил скорость.

«Куда я гоню? И зачем?»

В голове тут же возник мягкий голос утреннего телефонного вестника: «Вы же ее единственный наследник...»

– Да черта с два... – хмыкнул Чердынцев. – Чтобы старуха мне что-то оставила? Бред... – «А если все-таки?..» – Ну зачем мне ее барахло? – пожал плечами Макар, приглушая музыку.

Он чувствовал усталость – нет-нет да ловил себя на том, что картинка перед глазами то замедляется, то ускоряется. Шею вдруг прострелило судорогой, и по спине пробежал холодок. Как только на пути показалась заправка, Макар вырулил к ней и, объехав приземистое здание, встал позади,

параллельно выезду. Откинувшись на спинку кресла, он закрыл глаза и положил руки на подлокотники.

Перед его глазами замелькали красные точки. Макар заворочался, устраиваясь поудобнее. Ему нужно было совсем немного времени, чтобы отдохнуть, обычно хватало пятнадцати минут. Но сейчас он чувствовал нечто другое, отличное от простой дорожной усталости. Будто гора давила на плечи, и от этой тяжести что-то сжималось внутри.

Сквозь полуопущенные ресницы Макар смотрел прямо перед собой и видел, как покрывается порошкообразным белым налетом стекло.

... Тогда тоже был декабрь – пять лет назад, когда Чердынцев впервые оказался в Добринске. Разумеется, сейчас он помнил не только впавший в зимнюю спячку город, но и Александра Карловича, о котором говорил этот Венедикт или Альберт... Разве можно было забыть то безобразие, которое устроила старуха Горецкая?

А ведь Чердынцев был полон самых благих намерений. Да что говорить, он готов был руки целовать единственной родственнице, лишь бы она рассказала об их семейных корнях и дала возможность взглянуть на фотографии, которых, вероятно, у нее сколько-то да было. Он бы сделал с них копии, записал бы ее воспоминания на диктофон, помог бы материально и продолжал бы делать это, покуда она была жива. Но для этого нужно было убедиться в том, что Амалия Яновна

Горецкая и есть та самая Амалия Штерн...²

– Звезда, блин! – выдохнул Макар.

В той стране, в которой он прожил много лет, Амал переводилось как «трудолюбивая», на арабском означало «ожидание», а вот в переводе с латыни Амалия становилась уже «достойной соперницей». Возможно, все из вышеперечисленного было правдой в отношении актрисы, но вот вела она себя хуже любого зарвавшегося пропойцы.

Приехав в Добринск, Макар сразу же направился в театр. Букет крупных бордовых роз он приобрел еще в Москве и всю дорогу переживал, не замнуты ли они и достаточно ли пропитана водой тряпица, которой обмотали в цветочном магазине толстые стебли. Сам Чердынцев затем укутал цветы теплым шарфом.

Будто специально в этот день был бенефис Горецкой, и ему не пришлось придумывать речь, чтобы выяснить, где она живет. Его даже в зал пропустили без билета, так как шел уже второй акт. Да и роскошный букет оказался как нельзя кстати. Видимо, местные театралы были не столь щедры на материальные доказательства своей любви и преданности.

Чердынцев дождался завершения вечера, с удивлением и восторгом глядя на сцену. Горецкая, несмотря на возраст, была великолепна и поражала статью и силой голоса. Без особого труда, опять же с помощью букета, он прошел в театральное закулисье и нашел ее гримерку. Тактично посту-

² Stern – звезда (немекц.).

чав, был призван под светлые очи.

В примерке она была не одна. Сухощавый старик с седыми буклями расположился на маленьком диванчике, но, когда Чердынцев вошел, тут же подскочил и стал похож на великовозрастного кузнечика в своем расшитом фальшивым золотом изумрудном камзоле.

Горецкая отложила веер и внимательно посмотрела на Макара.

– Это вам, Амалия Яновна, – протянул он букет с улыбкой и легким поклоном.

– Кто вы? – сухо спросила старуха, и Макар заметил, как она побледнела под толстым слоем грима.

– Милостивый государь, – влез старик, протягивая руку. – Позвольте представиться, Александр Карлович...

– Шура, помолчи, – остановила его Горецкая.

– Меня зовут Макар Чердынцев, – представился Макар.

– Как?.. – одними губами произнесла она. – Чердынцев?

– Да, Чердынцев-младший, – стал объяснять Макар. – Мой дед...

– Александр Карлович, – Горецкая развернулась к партнеру по сцене. – Позвольте вам представить отпрыска одного из моих старинных знакомых...

– Не-нет, мне кажется, мы с вами родст... – растерялся Макар.

– Вот уж никогда бы не подумала, что встречу кого-либо из этой семейки, – перебила его Горецкая. Лицо ее пошло

пятнами, руки затряслись. – Зачем вы явились сюда? Уходите!

Старик с интересом переводил взгляд с одного на другого, но дипломатично помалкивал.

– Я могу все вам объяснить, – сказал Чердынцев.

– А я ничего не хочу знать!

– Когда дед умер, мой отец решил, что нужно найти родных...

Горецкая резко встала и опрокинула какие-то баночки, задев их рукой. Грудь ее тяжело вздымалась под кружевным жабо, глаза вперились в лицо Макара.

– Умер... умер... – глухо пробормотала она. – Я ничего не хочу знать об этом! Убирайтесь вон! Или я вызову охрану!

Чердынцев был молод, но хорошо воспитан. Однако в этот момент он и сам вспылал:

– Мой отец болен, и я приехал сюда лишь для того, чтобы исполнить его просьбу!

Горецкая, закрыв лицо рукой, качнулась:

– Скоро все его племя издохнет...

Чердынцев остолбенел. Наконец, швырнув букет старухе под ноги, он вылетел из гримерной и понесся прочь. Подобного исхода он не мог представить себе даже в самом страшном сне...

... Макар некоторое время следил за проезжавшими мимо него автомобилями, а затем накинул пуховик и вышел из своей машины. От холодного снежного порыва его немно-

го повело, на глазах выступили слезы. Дрожа всем телом от смены температур, он торопливо направился к заправке, где взял двойной кофе и отошел к небольшой стойке у окна.

Все, что произошло с ним в тот далекий декабрьский день, превратилось в круговорот странных и, наверное, до сих пор до конца неосознанных моментов. И все эти пять лет Чердынцев жил так, будто сидел на раскрученной карусели, – и хотел бы слезть, да страшно расшибиться. Даже тот факт, что тогда он был практически мальчишкой, не особо разбиравшимся в жизненных перипетиях, не мог повлиять на то, какие выводы в итоге он сделал. Все он прекрасно понимал уже тогда. Просто максимализм в нем бурлил, как камчатский гейзер, горячо и мощно выпуская пар, за которым ничего не было видно.

Чего он ожидал от Горецкой? Радостных возгласов и родственных объятий? Приглашения на семейное чаепитие и потока сбивчивых вопросов? Нет... Макар даже не был уверен в том, что она понимала, о ком он говорит. Но старуха знала то, о чем ни сам Макар, ни его отец даже не догадывались. Возможно ли, что это касалось деда?..

Макар покрутил в руках стаканчик, вдыхая горячий аромат арабики, и покачал головой. Он уже неоднократно прокручивал эти мысли у себя в голове и всегда приходил к одному и тому же.

Его дед был уважаемым человеком с кристально чистой репутацией. По тем временам невозможно было сделать ка-

рьеру, если в твоей биографии есть негативные или криминальные пятна. Ведь рано или поздно все становится явным – его и самого этому учили всю жизнь. И потом, Амалия Штерн, судя по нехитрым расчетам, была старше деда лет на пятнадцать, и тут уж совсем странно было предполагать, что их могло схлестнуть друг с другом каким-то совершенно необъяснимым образом. Родители деда тоже были простыми людьми, партийными, далекими от театрального мира. Прабабка Макара была то ли двоюродной, то ли троюродной сестрой Амалии, но и она, судя по письмам, была старше ее минимум лет на десять.

Посетив уборную, Макар пошел к машине, сопровождаемый взглядом молодой работницы заправки. Снежинки кололи щеки и застревали в его темных волосах. Чердынцеву нравился его внешний образ и то впечатление, которое он производил на женщин. И потому было странно все-таки осознавать, что по большому счету, не так уж ему их внимание было нужно...

Девушек у него было предостаточно. Но все эти связи ограничивались несколькими свиданиями, в которых он находил лишь приятную физическую разрядку. Ни одна из его подружек, как бы ни старалась, не смогла стать той, которая завладела бы его сердцем. Как будто оно было наглухо закрыто. Но Макар все еще предполагал, что когда-нибудь оно отзовется, ведь однажды это почти случилось с ним. Просто он не сразу это понял, а потом закрылся в ворохе насущ-

ных проблем и разнообразных событий, отодвигая свои чувства все дальше и дальше...

Он признавал, что многое изменилось с того декабрьского дня. Как оказалось, не только старушки могут быть злыми фуриями, но и сам Макар – глупым идиотом...

Включив зажигание, Чердынцев облокотился на рулевое колесо, не в силах прекратить думать о прошлом.

Выбежав тогда из театра, он был в бешенстве. Побродив около получаса вокруг фонтана, немного успокоился и стал дожидаться выхода Горецкой. Ругаться не имело смысла. Макар хотел, чтобы она только посмотрела ему в глаза и усовестилась, если это, конечно, возможно... Впрочем, когда актриса вышла под руку со своим долговязым престарелым спутником, пыл Макара уже несколько поугас. Прислонившись к краю каменного фонтана, он просто смотрел, как она, задрав подбородок, с совершенно невозмутимым видом идет мимо него, подметая заснеженную мостовую подолом длинной шубы. В руках Александра Карловича топорщилась охапка цветов, в которой, к удивлению Чердынцева, были и его бордовые розы. «Она еще и хапуга! – удовлетворенно подумал он и скривился в усмешке. – На здоровье, дорогая Амалия Яновна. Надеюсь, они завянут сегодня же ночью!»

Александр Карлович поотстал, делая вид, что занят цветами, а затем быстро подошел к Макару.

– Вы простите ее, молодой человек... – зашептал он. Седые брыли на его щеках уже немного подернулись инеем, а

нос покраснел, отчего старик стал похож на безбородого деда Мороза. – Она несколько экзальтирована... Характер, знаете ли.

– И знать не хочу, – буркнул Чердынцев хмуро. – Не больно-то хотелось.

Горецкая остановилась, но даже не повернула головы в их сторону.

– Прошу прощения... – пробормотал старик и заторопился прочь.

Пряча в карманах замерзшие руки, Чердынцев смотрел им вслед, пока они шли среди прогуливавшихся горожан, а потом и вовсе скрылись за поворотом.

Теперь Макару было понятно, откуда у Горецкой оказался его телефон. На приличествующий ситуации манер он тогда вложил свою визитку между бордовых бутонов. Как дурак, решил, что старуха оценит этот светский жест.

– Недостойный внук... ну надо же... – прошипел Макар, затем прибавил скорость и выехал на трассу.

Он не мог найти себе места, разбредив воспоминаниями душу. В чем-то старуха определенно была права. Недостойный – это именно про него. Ведь то, что последовало за их первой и последней встречей с Амалией Горецкой, точно так же не давало Макару покоя. Произошедшее с ним тем же вечером, было одновременно и сладко, и больно, и... недостойно... Потому что это была уже совсем другая встреча, к которой Чердынцев опять оказался совершенно не готов.

Сердце Макара сжалось, а в памяти возник простой, но необычайно нежный запах душистой парфюмерной воды. Он словно почувствовал, как тонкий, едва слышный аромат коснулся ноздрей. Странно было вновь окунуться в это прозрачное облако. Облизав пересохшие губы, Чердынцев в ту же секунду почти ощутил легкое дыхание на своей щеке...

«Просто останься со мной... пожалуйста...»

Глава 6. Серафима

Вязкий утренний свет пробрался через окно лишь до середины комнаты. Кровать осталась в полумраке, но сквозь смеженные веки Сима все же уловила наступление раннего утра. Коротко вздохнув, она открыла глаза и уставилась на деревянную балку, расположенную поперек потолка. Посередине нее висела люстра с плафонами из цветного стекла, щедро облепленная паутиной.

Пошевелив ступнями, Серафима стала аккуратно вытаскивать ноги из-под одеяла, стараясь не разбудить спящего щенка. Но он, уловив ее намерение, тут же завозился, и скоро наружу показался смешной черный нос с белым полукружьем, а следом – рыжие мохнатые скулы и пестрые висящие уши.

Сима приложила палец к губам, словно щенок мог понять ее жест. Склонив голову на бок, он внимательно следил за ней, и тонкое одеяло зашевелилось где-то на уровне его хвоста.

Пол был просто ледяным. Едва коснувшись половиц, Сима вздрогнула от пронзившей тело болезненной волны. Нашарив ботинки, она обулась и замерла, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг. Но никаких лишних звуков не было – лишь поскрипывали заиндеветшие стены и гудел за окном промозглый декабрьский ветер. Среди этого тоскли-

вого завывания Симе казалось, что она отчетливо слышит тревожный стук собственного сердца.

Пока Илюша спал, нужно было спуститься вниз и сварить кашу. Но что, если он проснется и испугается чужого места? Симе нахмурилась и взволнованно взгляделась в лицо сына. Заметила, как дрожат его ресницы и двигаются под тонкими розовыми веками глазные яблоки. "Что тебе снится, милый мой?"

Когда они приехали на железнодорожную станцию, он был уже квелый, уставший, ничего не понимающий. Симе повезло, ей не пришлось покупать билет в кассе. Они оказались на вокзале, когда поезд уже готов был тронуться. Ехать нужно было совсем недалеко, до старой станции, где поезд делал остановку на одну минуту. И проводница сжалилась над ними, впустив в вагон и взяв оплату наличными. Симе уже не помнила, что говорила. Что-то про то, что их ждут и обязательно встретят. Поезд уедет, проводница забудет о молодой женщине с ребенком и, возможно, ее даже не спросят о том, подсаживала ли она кого-нибудь в Добринске... Поезд ведь проходящий.

Илюша расхныкался в вагоне, требуя любимую игрушку, которую она оставила дома. Так быстро собиралась, что даже не вспомнила о ней. А ведь для четырехлетнего ребенка в любимых вещах сосредоточен целый мир! Каждая подаренная или купленная специально для него мелочь, становится его собственностью, с которой он еще долго не сможет рас-

статься... И надо же как получилось – плюшевый гном с пухлым носом картошкой, в красном колпаке и со свалывшейся бородой был когда-то и ее любимой игрушкой. Его подарила Симе мать вместе с книгой о Белоснежке. Симе, конечно, хотелось черноволосую героиню в синем платье, но гном оказался таким забавным, что она очень быстро позабыла о красивой кукле. Вот и Илюшка с полугода стал тянуться к нему, терзал набухшими деснами розовый гномий нос и дергал сильными ручками посеревшие за долгое время патлы.

Мама умерла, когда Симе было десять лет. Родила она ее поздно. Для себя... А в итоге оставила на бабулю, которая тоже когда-то стала единственным близким человеком для своей дочери. Кто-то скажет – судьба, а кто-то – неправильное отношение к жизни. Но какая разница, если по-другому не получается? Теперь у Серафимы есть сын, у которого, кроме нее, тоже никого нет. Но самое страшное не это, а то, что произошло. Сима совершенно не понимала, что ей делать и как защититься в этих обстоятельствах. А ведь Горецкая предупреждала ее, чтобы она была осторожной, предупреждала! Но Сима поначалу не верила, а потом было поздно.

На цыпочках Серафима прошла до окна и, встав за пыльной льняной занавеской, посмотрела на пустынную улицу. Щенок тут же спрыгнул с кровати и последовал за ней. Присев на корточки, Сима положила ладонь поверх его теплой головы.

– Надо тебя как-то назвать... Вот Илюшка удивится, когда тебя увидит.

В голове возникла мысль, что теперь ей придется кормить сразу двух детей, но она тут же отогнала ее. Так получилось – не смогла пройти мимо щенка, который лежал на обочине, почти полностью засыпанный снегом. Илюша спал на ее плече, в руке была сумка с какими-то вещами, которые Сима наспех покидала перед тем, как бежать из своего дома. Путь от станции был недолгим, но идти пришлось сквозь начавшуюся пургу, ориентируясь только на тусклые огни фонарей. Она услышала еле слышный плач где-то на полпути, и сердце ее рухнуло, обливаясь кровью. «Ребенок?!» – подумала она, прижимая сына и всматриваясь в темное пятно в паре метров от себя. Пока стояла, не решаясь подойти ближе, думала, что это действительно оставленный кем-то младенец, ведь такое иногда случается... Это и был ребенок, только не человеческий, а собачий.

Амалия Яновна белела лицом, когда натыкалась на репортажи о брошенных детях. Тут же выключала телевизор и швыряла пульт в сторону, словно он горел у нее в руках. Настроение ее портилось, давление поднималось. А это значило, что, как бы Сима не старалась, угодить старой актрисе было уже невозможно.

Но она старалась... С того самого первого дня, когда оказалась зажатой в углу ее шикарной прихожей...

... – *Кто тебя подослал?* – спросила Горецкая.

«Господи, а если она сумасшедшая? Вдруг она убьет меня? Что же тогда будет с Илюшей?»

Взгляд Симы заметался по сторонам и замер на огромном, в полный рост, портрете Горецкой, висевшем на противоположной от двери стене. Холл в квартире Амалии Яновны был большим, квадратной формы, и скорее походил на гостиную. Свет, лившийся из другой комнаты, падал на масляную поверхность холста и бликовал, отчего Сима не могла разглядеть всю картину целиком. Но лицо Горецкой на портрете моментально завладело ее вниманием.

– Это вы? – восхищенно спросила Сима, вытягивая шею. Горецкая нахмурилась.

– Да, это я. Только не надо заговаривать мне зубы! – сказала она жестко.

Сима кивнула и отлипла от стены, продолжая рассматривать пышную прическу и покатые, жемчужного оттенка, голые плечи, укутанные в какой-то диковинный, голубоватого цвета мех.

– Вы простите меня, Амалия Яновна, – торопливо пробормотала Сима. – Наверное, надо было как-то сначала предупредить по телефону... Но мне на бирже сказали, что вам нужен человек...

– Никакой человек мне не нужен! – отрезала Горецкая, продолжая сверлить ее пронзительным взглядом.

– Ладно, – кивнула Сима, вздохнув. – Я поняла. Еще раз прошу прощения за беспокойство... До свидания. То есть,

наверное, прощайте...

Она взялась за ручку двери, но, не успев сделать и шагу, еще раз обернулась и посмотрела на портрет.

– Мне кажется, тот, кто рисовал его, был по-настоящему влюблен в вас...

Старуха вскинула брови и поджала губы. Затем, дернула шеей, отчего зашуршало кружево у горла, и хмыкнула:

– Минестроне?

– Что? – растерялась Сима.

– Сможете приготовить?

– Нет... А что это?

Горецкая тяжело вздохнула и, поправив камео, качнула головой.

– Господи, что с вас взять. Тогда хотя бы протрите пыль. Управитесь за полчаса?

– Конечно! Тем более, мне уже скоро бежать надо...

Ответом послужил полный презрения взгляд актрисы. Собственно, как еще она должна была смотреть? Назвался груздем, полезай в кузов. Только ведь Илюшку из сада нужно было забрать вовремя, поэтому ни о каких сантиментах речи уже не шло.

... Сима похлопала по колену ладонью, призывая щенка идти за собой.

– Минестроне я тебе не обещаю, но геркулесовую кашу сделаю... Лишь бы Илюшка не проснулся, пока я буду внизу.

Щенок зацокал следом за ней, а потом вдруг остановил-

ся. Вильнув пару раз хвостом, он направился к кровати и, запрыгнув на нее, улегся в ногах у мальчика. Сима закусила губу, чтобы не расплакаться, и кивнула.

– Следи за ним. Я быстро... – скрывшись за дверью, она направилась вниз, теребя в кармане ключ от дома.

"Простите меня, Амалия Яновна, за то, что все так случилось... Я не думала, что это настолько опасно. И спасибо вам за это убежище..."

Глава 7. Макар

Чердынцев помнил, что для того, чтобы попасть в Добринск, следовало ехать по окружной еще километра два. Но навигатор показывал иное, и вскоре Макар с изумлением узрел возвышающийся постамент с каменным лосем и припорошенные снегом красные буквы по нижнему краю, в которых угадывалось название города. Сворачивая, Макар успел рассмотреть вытянутую морду сохатого с донельзя удивленными выпученными глазами.

– Сам в шоке, брат, – пробормотал Чердынцев, сверяясь с картой. Музыку он давно выключил и теперь слушал новости, которые кое-как помогали избавиться от крутящихся в голове мыслей.

По плану Макар должен был связаться с представителем театра, затем с его помощью организовать достойные похороны и, собственно, отбыть восвояси. Разумеется, его ждала встреча с нотариусом, но Чердынцев не испытывал по этому поводу каких-то особых чувств. Все это выглядело странно, и он бы не удивился тому факту, что никакого наследства нет и в помине. В помине – ну надо же как порой однозначно трактуются вполне обыденные выражения. И главное, как раз в пик скорбному моменту.

"Так, а если наследство все-таки есть? Получается, его нужно принять, – думал он. – Иначе, куда оно там уходит?"

Государству?"

"Радар двести метров. Снижение скорости", – отвлек его собственный автомобиль.

Чердынцев усмехнулся, а в голове промелькнули слова Людовика четырнадцатого: «Государство – это я!»

– Геморроя иногда больше, чем пользы с тех наследств, – вздохнул Макар, поглядывая на спидометр. – Мучайся теперь. Не люблю сюрпризы. Тем более, от Амалии Яновны, упокой господи ее душу.

Въехав в город, Макар почесал затылок, пытаясь понять, где находится.

По обе стороны от дороги пестрели частные дома, и почти у каждого забора были навалены сугробы в половину человеческого роста.

Чердынцев поймал себя на том, что продолжает рассматривать заснеженные деревья, будто до этого никогда не видел ничего подобного. Вдруг захотелось взять телефон и сделать несколько кадров, чтобы отправить матери. Раздраконить в ней воспоминания о русской зиме, о морозце, о санках и лыжах... О безбашенных детях, которые сейчас катились с горки, не доезжая буквально нескольких метров до проезжей части. Макар даже сплюнул, когда увидел ребячью вереницу, карабкающуюся на обледенелую глыбу.

«Нет, когда у меня будут дети, я их на цепь посажу... – в сердцах подумал он. И тут же помотал головой, словно дворовый пес: – Вот ведь какая зараза, эта провинциальная

жизнь! Прямо сбивает с толку, будто заправский психотерапевт. Ну да мы посильнее будем, нас еще ломать и ломать...

Набрав номер Альберта Венедиктовича и включив громкую связь, Макар сбавил скорость, заметив, как «ватрушка» с орущим во всю глотку пареньком, крутятся, понеслась вниз.

– Слушаю? – на весь салон прокричал худрук. – Але! Щербинин на связи!

– Макар Чердынцев беспокоит.

– Макар Дмитриевич, рад вас снова слышать! Как вы, где вы?

– Да, собственно, в Добринске, где... Не понимаю, куда дальше. Мне бы адрес, я выставлю его в навигаторе. По-другому, сами понимаете, заплутаю.

– Конечно-конечно! – засуетился собеседник. – Только у нас не потеряетесь! Все дороги ведут в центр. Замечательно, что вы уже здесь. Очень, очень рад!

Макар закатил глаза, сдерживаясь от язвительной реплики. Восторженные экзерсисы раздражали и были, по его мнению, совершенно неуместны. С другой стороны, ведь его собеседник не знал, с какой неохотой Макар ехал в Добринск и как на самом деле относился к почившей Амалии Горецкой.

– Куда мне подъехать? – устало спросил он, прерывая словесный поток Альберта Венедиктовича. – В театр?

– Ах, да зачем же в театр? В полицию, голубчик, в полицию! А я вас там встречу. Не переживайте, порешаем все, порешаем... Вот ведь как получается...

– Где эта ваша полиция?

– В центре, дорогой мой! У нас все в центре. Не потеряйтесь!

Отключив телефон, Макар огляделся. Частный сектор остался позади, на смену ему пришли неказистые пятиэтажки и построенные после войны бежево-розовые двухэтажные дома с высокими готическими окнами и эркерами. Чердынцев знал, что во многих российских городах еще стоят такие вот, казавшиеся вполне симпатичными и крепкими, эпохальные строения. Но постепенно жителей расселяли, а когда дома сносили, то оказывалось, что построены они из шлакоблоков и являются на поверку лишь продуваемыми и гнилыми конурами. В свое время города заново отстраивали пленные немцы и их союзники, на ходу превратившиеся в строителей. Именно они занимались тем, что на русском языке давно имело название «халтура». Последствия такого строительства могли сказаться только через несколько лет, но к тому времени немцы рассчитывали уже быть на родине, что у них и получилось.

Промелькнули торговый и офисный центры, небольшой парк с железным пионером и несколькими каруселями, и вот впереди показалась уже знакомая Макару площадь со старым фонтаном посередине.

Дыхание тут же сбилось, будто кто-то дал Чердынцеву под дых. Это добавило еще толику раздражения. Макар не мог объяснить перемен, творившихся в его душе, хоть и по-

нимал, что происходило это из-за прошлого, которое вдруг проснулось и вцепилось в него мертвой хваткой.

Остановившись перед административным зданием из красного кирпича, Макар достал портмоне и еще раз проверил документы. Телефон молчал. Чердынцев стал рассматривать проходивших мимо людей в надежде не пропустить Альберта Венедиктовича.

В зеркале заднего вида отражались колонны старого театра. Когда по лестнице стал спускаться невысокий мужчина в темном пальто и огромной меховой шапке, Макар, заметив его, заглушил двигатель и взялся за ручку двери. Возможно, именно этот человек и был худруком Добринского театра. Это для простых людей выходные подразумевают счастливое ничегонеделанье, а для служителей Мельпомены уикенд – самая что ни на есть горячая пора. Особенно, учитывая предновогоднюю свистопляску.

Покинув салон, Макар направился ему навстречу, размашистым шагом пересекая главную площадь. Он обошел фонтан и вдруг поскользнулся на ровном месте. Устояв на ногах, зацепился взглядом за резную скамейку, стоявшую поодаль. Щеки его опалило, а затем и все тело обдало жаром. В ушах зазвенело, на миг приглушив городские звуки. Эффект дежавю не заставил себя долго ждать, но Чердынцев, до боли прикусив нижнюю губу, быстро стряхнул с себя оцепенение и отвел глаза.

– Простите, вы случайно не... – кинулся к нему мужчина

в шапке, протягивая ладонь.

– Чердынцев, – кивнул Макар. – Как вы меня узнали?

– Даже не знаю, – худрук хитровато прищурился, потер покрасневшие руки, а потом подул на них. – Впрочем, вы же говорили, что не являетесь близким родственником Амалии Яновны. – Он склонил голову, разглядывая Макара. – Что ж, Амалия Яновна была прекрасным образцом красоты и...

Чердынцев скептически хмыкнул и вновь посмотрел на скамейку.

– М-да... – Альберт Венедиктович по-свойски прихватил Макара за локоть и указал на здание, у которого стояла машина Чердынцева. – Пойдемте. Я договорился, нас ждут.

– Это ведь не займет много времени? – спросил Чердынцев. – Вы мне сразу скажите, сколько нужно, и я...

– О чем это вы? – удивился Альберт Венедиктович.

– Про деньги, – не стал юлить Макар и, словно в подтверждение своим словам, полез за пазуху. – Похороны, поминки, что там еще?

– Тут такое дело, – замылся худрук, – даже не знаю, как сказать.

– Точно. Еще же к нотариусу, – вспомнил Чердынцев. – Вы, наверное, хотели бы что-нибудь получить на память, так сказать, от Горецкой?

Худрук отмахнулся и потянул на себя тяжелую дверь.

– Это все потом. А сейчас... Вам, Макар Дмитриевич, все скажут. Но знаете, – Альберт Венедиктович приподнялся на

цыпочках и потянулся к уху Чердынцева. Тому даже пришлось наклониться. – Поговаривают, что не сама старушка отошла в мир иной. Помогли ей...

Макар вскинул брови и придержал дверь, чтобы она не пришибла побледневшего от собственных слов худрука. Мужчина юркнул внутрь, и меховая макушка шапки задела руку Чердынцева, оставив мокрый, пахнувший псиной след.

– Убили? – недоверчиво переспросил Макар.

– Не совсем... – уклонился от объяснений худрук. – Обстоятельства, батенька, обстоятельства...

Они поднялись на второй этаж, где Щербинин сразу же нашел нужный кабинет. Макар зашел следом, попутно расстегивая пуховик. В здании было душновато, будто вытяжки совсем не работали.

Из-за стола поднялся молодой мужчина в сером костюме и криво висевшем галстуке. Внимательно оглядев Чердынцева с ног до головы, он усмехнулся. А когда заметил в его руке дорогой брелок от машины, презрительно дернул густой бровью.

– Московские гости изволили приехать? – спросил он у Щербинина, словно речь шла не о Макаре.

Альберт Венедиктович стащил шапку, бухнул ее на стол, забрызгав все вокруг, а затем кивнул:

– Именно!

– Макар Чердынцев, – представился Макар. – А ваши должность и звание?

– Следователь Ерохин.

– Следователь, значит. Старший или...

– Присаживайтесь, – сквозь зубы процедил Ерохин.

Худрук первым ринулся к стене, у которой стояли два стула. Он с грохотом протащил один из них поближе к столу и уселся на самый краешек. Макар же занял место у офисного шкафа, демонстративно закинув ногу на ногу. Теперь следователю приходилось крутить головой, переводя взгляд от одного к другому, что явно ему не понравилось. Зато Макар почувствовал приятный всплеск адреналина. Исключительно из вредности ему хотелось показать, что гостей, тем более московских, желательно привечать с уважением. Как сказал бы его отец: союз двух самцов возможен только в двух формах – враждебного альянса против других самцов или в случае оказания взаимных услуг. Ни то, ни другое Чердынцев пока не рассматривал. И похоже, следователь Ерохин тоже.

– Вы родственник Горецкой? – Ерохин раскрыл перед собой папку и перевернул несколько листов.

– Ну... – замялся Чердынцев.

– Да, родственник, – поддакнул Щербинин. – Наследник. Любовь Яковлевна подтвердит. – Обернувшись к Макару, худрук пояснил: – Наш нотариус.

Чердынцев коротко пожал плечами и поднял глаза к потолку, посередине которого расплылось желтое пятно от протечки.

– Давайте паспорт, – кисло произнес следователь.

Макар вытащил документ и, качнув головой, все же встал, чтобы положить его на стол.

– Ночевать где будете? – спросил Ерохин, переписывая личные данные Макара.

– В смысле? – удивился Макар.

Ерохин поднял на него тяжелый взгляд.

– С ночевкой определились уже?

– А вас это каким боком касается? Не понимаю, что вы имеете в виду...

– Что имею, то и введу, – пробурчал Ерохин, опустив голову и чиркая ручкой по бумаге. – На квартире у Горещкой следственные мероприятия уже закончились.

Макар почесал бровь. Похоже, что выбранная им тактика с треском провалилась. И чем дольше он будет разыгрывать «московского гостя», тем вреднее будет следствие. Провинциальные замашки раздражают, если относиться к ним свысока. А ведь, по сути, все гораздо проще – чужаки и в Москве напрягают.

– Вот как... Понятно. То есть, не совсем понятно, конечно, – кашлянул Чердынцев.

– Слава, ну я уже сказал ему... – вполголоса обратился к следователю худрук и поскреб столешницу ногтем.

– Альберт Венедиктович, – сжал кулаки Ерохин. – Ну вечно вы!.. Торопитесь с выводами.

– Полгорода уже об этом шепчется! – парировал Щербинин и победоносно взглянул на Макара.

Решив побыстрее докопаться до подробностей, Чердынцев прихватил стул с обеих сторон за сидение и на полусогнутых добрался до стола следователя.

– Так, давайте по порядку, – начал он. – Мне хотелось бы понять, сколько времени мне придется здесь зависать. Дела ждут. Так что говорите, где нужно подписать? И когда лучше устроить прощание с... – Макар замешкался, не зная как обозначить свое родство с Горецкой. – Мне бы и вас не хотелось задерживать, – сделал он пас в сторону Ерохина. – Забот, что ли, у вас мало... Может, не так все страшно с Амалией Яновной? В том смысле, что...

– Ну смотрите, – следователь прилег на сложенные перед собой руки, – экспертиза показала, что Горецкая умерла от обширного инфаркта. А вот что его вызвало...

– Старость? – тут же предположил Макар, сделав трагическое лицо.

– Оно, конечно, так... – Ерохин постучал по истертой столешнице кончиком шариковой ручки. – Но обстоятельства...

– Да боже мой, какие тут могут быть еще обстоятельства? Несносный характер? Язвенная болезнь? Справка от психиатра?

Ерохин и Щербинин переглянулись.

– Да, Амалия Яновна, конечно, была своеобразным человеком, но... – худрук погрозил Макару пальцем, – в своем уме!

– Вот, обратите внимание, – Ерохин раскрыл папку и веро-
вером положил перед Чердынцевым несколько фотографий.

Перебирая одну за другой, Макар рассматривал раскидан-
ные по комнате вещи, выдвинутые ящики шкафов и разбро-
санные на паркете бумаги.

– Вам не кажется это странным? – спросил следователь.

– Мне? – Чердынцев отложил снимки. – Я никогда не был
у Амалии Яновны... Возможно, она искала лекарство. Не
знаю – капли сердечные...

– В спальне постель перевернута, – возразил Ерохин.

– Хм... – Макар зажал пуховик между коленей. – А са-
ма-то она где?.. – скосил он глаза на фотографии.

– В судебном морге. Если дело не будем возбуждать, то с
похоронами не задержится.

– Так в чем же дело? – устало спросил Макар.

– Дверь была открыта. Замок сломан.

– То есть, вы все-таки думаете, что в квартире кто-то был,
кроме нее?

– Горецкая умерла, сидя за столом в гостиной. Время
смерти – половина второго ночи.

– Бессонница? – предположил Макар.

– Все возможно, – не стал спорить Ерохин. – Против экс-
пертизы не попрешь – сама дамочка скончалась. Вот если бы
не одно «но»... Соседка с первого этажа видела, как ночью
из подъезда выходила ее домработница. Точное время она
вспомнить не смогла, потому что вставала попить и услы-

шала шум. А что квартира открыта, обнаружилось только утром, и то не сразу.

– Что-то пропало?

– На первый взгляд ничего, – влез Щербинин. – Я бывал у Амалии Яновны время от времени. Давненько уже, правда. Последнее время она отдалилась от общества...

– В общем, я не вижу каких-то особых причин, чтобы заниматься этим делом. Налицо отсутствие состава преступления. Вы, как родственник, имеете право оспорить данное решение, но повторяю, что...

– Ерохин, – Макар откинулся на спинку стула и воззрился на следователя. – Вы в курсе, что в полете переобуваться очень неудобно?

– Не понял, – щеки следователя покраснели.

– Ну вот же, – Макар ткнул пальцем в фотографии. – Перевернуто все.

– Так может, действительно, лекарство искала? – помрачнел следователь.

– Не нашла и присела за стол, чтобы помереть от огорчения? – Макар встал и подошел к окну. Картинка в его голове никак не хотела складываться. Казалось бы, вот он шанс – решить все сию же минуту и через день-два укатить обратно. Но что, если Горечкой действительно помогли? Напугали до смерти, а потом переворошили квартиру в поисках... чего? – Чердынцев попробовал открыть форточку, но пазы ее были так плотно утоплены в краске, что он в сердцах заметил: –

Кто вам ремонт делал? Руки бы ему оторвать вместе с головой. Это ж душегубка какая-то!

– Ага! – подтвердил Ерохин. – Все жалуются!

– Вот и я буду жаловаться, – посуровел Макар. – Хотелось бы увидеть всю картину целиком, прежде чем делать выводы.

– Вы про что?

– Про ситуацию с Горецкой, черт возьми! Домработницу вы уже допросили? Давно она у нее работала?

– Несколько месяцев, кажется. Ищем, – без особой уверенности сказал следователь.

– Что ищете? – не понял Макар.

– Домработницу. Пока выяснили, кто она... То да се.

– То да се?! Так, может, она старушку-то и прикончила? Много ли надо столетней бабке?

– Подтверждаю! – поддакнул Щербинин.

– Кто она? – Макар облокотился ладонями на стол и навис над Ерохиным.

– Вы же сами хотели поскорее со всем этим покончить, – глянул на него исподлобья следователь.

– Хотел. Теперь перехотел, – упрямо заявил Макар. – Пока не выясню, что произошло, не отстану. Это понятно?

– Тогда вам придется в прокуратуру идти, – сказал Ерохин, складывая фото в папку.

– Она у вас, случайно, не в этом же здании?

– Ага, – улыбнулся он. – Только вход с другой стороны. И

там сейчас ремонт. В областную надо ехать. А смысл? Какие у нас основания?

– У вас, может, и нет, а у меня есть. Мне, знаете ли, совесть спать спокойно не даст, если я все на самотек пушу. Короче, я могу поговорить с этой домработницей?

– Да, – замешкавшись, сказал следователь. – Когда найдете... Но мне кажется, что...

– Уж поверьте, найду! И она мне расскажет, что такого интересного было у старушки. И что лично она делала у нее ночью. Господин художественный руководитель, я ведь могу сейчас попасть в квартиру Горецкой?

– Разумеется, Макар Дмитриевич! – вздохнул Щербинин. – Ключи у соседки. Пойдемте.

Они направились к выходу и, уже открыв дверь, Чердынцев обернулся:

– Совсем забыл спросить – как зовут эту святую женщину, которую вы почему-то найти не можете?

– Жданова Серафима.

– Как? – переспросил Макар. – Серафима? Редкое имя...

Глава 8. Серафима

Половицы тихо поскрипывали под ее ногами, а перила холодили ладонь. Сима осторожно спускалась вниз, поглядывая на покрытые морозными узорами окна, и старательно успокаивала издерганные за ночь нервы. Утренний свет струился, преломляясь на узорчатых половичках, скользил по стенам из просмоленного деревянного бруса, простой мебели и висящих на гвоздиках пейзажах.

Ночью, уложив Илью, Сима первым делом заглянула в кухонный шкаф, и только убедившись в наличии хоть каких-то припасов, смогла заставить себя вернуться в спальню. На обстановку она даже не смотрела, оглушенная и прибитая случившимся.

Дача оказалась совсем небольшой – верхняя комната, кухня-гостиная и пристроенный туалет. Несмотря на то, что здесь давно никто не жил, дом словно ждал гостей и готовился к их приходу. Сима чувствовала странное покалывание, будто вновь оказалась на своем первом новогоднем утреннике, и от того, как она расскажет стишок, зависело настроение Деда Мороза и размер подарка.

В это декабрьское утро ей вдруг так захотелось настоящего человеческого тепла, что перехватило горло. Возможно ли, что она сможет жить как прежде? Неужели придется и дальше убегать и прятаться? Сима поежилась и тяжело

вздохнула. Господи, она ведь даже не знала, кто виновник ее бед...

Сима могла бы разжечь печку, рядом с которой лежало несколько сухих поленьев, но тогда из трубы пойдет дым, а значит, он привлечет внимание. Вдруг кто-то захочет посмотреть на новых жильцов? И что тогда она скажет в свою защиту, как оправдает свое присутствие в чужом доме? Врать Сима совершенно не умела. И Амалия Яновна сразу же раскусила ее как ванильную сушку, прожевала и проглотила. А вот Серафима так и не поняла ничего про старуху. Ни-че-го... И все равно продолжала жалеть ее.

Край холщовой скатерти легонько шевелился от сквозняка. Сима подошла к двери и провела ладонью вдоль края – поддувает. В мятущемся мозгу пробежала мысль о тюремной камере. Бросило в холод – нет ничего страшнее расставания с ребенком! Невозможно даже думать об этом спокойно – живот моментально скручивает в болезненной спазме.

Телефон Сима выключила сразу, как только они добрались до вокзала. Она никому не звонила, даже Валечке. Ну что бы она ей сказала? Что ни в чем не виновата, и что соседка видела ее в окно и наверняка подумала, что Серафима что-то натворила? Замкнутый круг...

Может надо было остаться и вызвать полицию, но тогда бы она нарушила приказ Амалии Яновны. Хотя что теперь говорить о ее приказах – нет больше старой актрисы. И не докажешь, что не ты приложила руку к ее смерти.

Сима подошла к электрической плитке и смахнула с нее пыль. Вытянув шнур, вставила в розетку, молясь, чтобы все работало. Когда в воздухе запахло горелым, она достала кастрюльку и огляделась в поисках крана, но увидела лишь прикрученный к стене умывальник.

«Ладно, надо просто собраться и хорошенько подумать... Вероятно, где-то рядом должна быть колонка...»

Накинув на голову капюшон, Сима сняла с полки жестяной бидон и подошла к двери. Ключ, лежавший в кармане, нагрелся от ее пальцев. Вставив его в замочную скважину, Сима провернула его и плечом толкнула дверь. Дверь поддалась с трудом – за ночь насыпало снега. Протиснувшись сквозь образовавшуюся щель, Серафима, нагнув голову, кинулась к калитке, утопая по голень в сугробе. Все же им очень повезло сразу найти дом, а не блуждать по поселку впотьмах. Но Горецкая очень хорошо объяснила, как добраться до старой дачи, хотя было бы лучше, если бы она объяснила, зачем вообще это нужно...

Да что теперь говорить – именно за этими объяснениями Сима и понеслась ночью к актрисе. Та не брала трубку, и стало понятно, что случилось что-то страшное. Как бы ругала Симу бабуля, если бы знала, что она оставляет маленького Илюшу дома одного!

Если бы была жива бабуля, ничего подобного бы с Симой не случилось... И, как назло, Валечка до сих пор была в отъезде. Получается, и ее Сима подвела – кто же теперь будет

чистить снег у садика?

Глаза обожгло горячими слезами. Ну почему у нее все не как у людей? "А как у людей? – тут же поправила она сама себя, – у людей тоже по-разному."

Взять Амалию Яновну: Сима думала, что будет ухаживать за старой немощной женщиной, не способной позаботиться о себе. А Горецкая оказалась «железной леди» с такой энергетикой, что Симу просто сбивало с ног, когда она появлялась у нее в квартире.

... – Что же ты себе мужика богатого не нашла? – спросила она как-то Симу, раскладывая пасьянс.

– Скажете тоже, Амалия Яновна, – возя мокрой тряпкой под шкафом, подняла голову Серафима. – С чего вы вообще решили, что я кого-то ищу?

– Не ищешь? – усмехнулась старуха. – Ну и дура.

– Так уж и дура, – пожалала плечами Сима. – Вы видели современных мужчин? Оно им надо?

– Ах, вон ты о чем, – в глазах Горецкой зажегся нехороший огонек. – Так ты сама виновата – зачем рожала?

– Не ваше дело, – разозлилась Сима, пожалев о том, что рассказала Горецкой об Илье в их первую встречу. Теперь дня не проходило, чтобы Амалия Яновна не уколола ее. – Вы постоянно тычете мне этим! Думаете, ответить не могу?

– А ты можешь? – приподняла бровь Горецкая, и на ее щеках затрепетало подобие румянца.

– Вы просто не знаете, что такое иметь детей, – глухо от-

ветила Сима и тут же пожалела о своих словах. Лицо Горещкой моментально приобрело бледно-синюшный оттенок, губы скривились, а нос заострился. – Извините, – буркнула Сима и утерла глаза тыльной стороной ладони.

– Тебя обманули, использовали и выкинули, как вот эту вот половую тряпку! – прошипела Горещкая, смахивая наполовину сложенный пасьянс.

– Вы ничего не знаете... – отвернулась Сима.

– Расскажи? – актриса растянула в язвительной улыбке накрашенные губы. – Сама в койку прыгнула? Что, невтерпеж было? Или хотела привязать к себе байстрюком?

Из сжатой в кулаке тряпки закапала вода. Сима уставилась на Горещкую, а затем расхохоталась, да так, что уселась на пол.

– Ну, Амалия Яновна, вы даете! Мне бабуля говорила: когда тебя задевают, значит из тебя что-то торчит. Так вот, я надеюсь, что из меня ничего не торчит. И если вы хотите меня задеть, то у вас это не получится. Я не умею готовить всякие сложные блюда, воспитываю сына одна, пытаюсь как-то выжить, но знаете... я чувствую себя счастливой. Не все время, конечно, но все же чувствую! А вы... вы... – Сима отвела глаза и закусила губу.

Горещкая пожевала вставной челюстью, пристально разглядывая Симу, а потом спросила:

– Ладно, остынь. Никому не говорила, что ко мне ходишь?

Сима глубоко вздохнула и пристально посмотрела на Го-

репку. Перескакивать с темы на тему тоже было в духе Амалии Яновны.

– Я же обещала вам. Еще в первый день. И на бирже сказала, что вы меня не приняли...

– Хорошо... – сказала старуха как ни в чем не бывало.

– Но соседи, наверное, догадываются... Я же мусор выношу и в магазин хожу...

– Ничего... немного осталось. Потерпеть надо. Будут спрашивать, посылай их на...

Сима покраснела, услышав грязное ругательство. Горечкая частенько пускала в ход такие слова, от которых просто волосы на голове вставали дыбом. Это просто не вязалось с ее статусом, но такой уж она была – резкой и грубой...

... Железная колонка нашлась у третьего дома по той же улице. Снег покрывал все кругом ровным слоем, что говорило о том, что рядом с дачей больше никого нет. С трудом оттянув рычаг, Сима получила лишь тоненькую струйку воды. Похоже, ей повезло – вода еще не успела замерзнуть. Но если это может случиться, то следовало запастись водой. Неизвестно еще, сколько им придется здесь прятаться. Уж точно до того момента, когда она сможет понять, о чем же просила Горечкая в их последнем телефонном разговоре.

Сима помнила его слово в слово, но пока ни единой здравой мысли в голову не приходило.

«Он уже здесь... И знает, кто я. Ты должна спрятаться, потому что он ничего не найдет и захочет узнать это от тебя.

Он будет мстить. Поезжай в поселок, найди четвертый поворот от дороги. Слева будет дом с флюгером. Ключ слева... И запомни – седьмой гном...»

Затем звонок оборвался, и Сима, осев тогда на кровати, в ужасе подумала, что уже никогда не увидит взбалмошную старуху живой...

Глава 9. Макар

Когда Макар вышел на улицу, он с наслаждением вдохнул морозный воздух. С некоторым удивлением посмотрел на идущих без спешки людей, на то, как они раскланиваются друг с другом и громко задают вопросы о житье-бытье, не переживая за то, что могут быть услышаны или неправильно поняты.

– Слава хороший парень, в театральной студии у нас занимался, когда в школе учился, – отвлек Макара Щербинин.

– Ну да, ну да... – пробормотал тот, внезапно подумав, что все, что он сейчас видит, действительно похоже на театральные подмостки. Как там говорится: вся жизнь – театр, а люди в нем – актеры? Какая же роль уготована ему?

– Амалия Яновна, кстати, недалеко здесь живет... Тьфу, жила... – Альберт Венедиктович запахнул пальто и надвинул шапку на лоб. – Хотите посмотреть?

Произнесено это было таким тоном, словно Макар обратился к риэлтору в поисках временного пристанища, но Чердынцев пожал плечами – почему бы, собственно, и нет?

– А потом к нотариусу зайдем, пошепчемся... – Щербинин сунул руки в карманы и посмотрел снизу вверх на Макара.

– Хорошо, – ответил тот, доставая ключи от машины.

– Тут буквально пять минут ходьбы, – неуверенно пояс-

нил художник. — Машина у вас какая... большая... — в его глазах загорелся мальчишеский восторг.

Макар оценил тот факт, что Щербинин сразу предупредил его о том, что гонять авто до дома Горещкой не имеет смысла, и все же не смог отказать себе в удовольствии похвалиться кроссовером.

— Залезайте! В ногах правды нет! — кивнул он.

— А где она, правда-то? — грустно парировал Щербинин.

— Мой отец говорил, что в детях... — вырвалось у Макара.

— И он абсолютно прав, — не заметив мелькнувшую тень на лице Чердынцева, согласился художник. — Вот у меня три девочки, представляете? Жена говорит, что я ювелир, — гордо резюмировал он, влезая на переднее сидение. — Вам-то, наверное, пока не с чем сравнивать или... — он вопросительно посмотрел на Макара.

Чердынцев качнул головой и выехал на дорогу.

— Сначала надо, как бы, женщину найти, — хохотнул он, выруливая в нужном направлении.

— Ох, с этим у вас, я думаю, проблем нет. Но вы правы. В том смысле, что женщина, это ведь вершина всего... Вот вы сейчас скажете, что я старый гриб и мало что смыслю, но поверьте — нет для мужчины большего счастья, чем любимая женщина рядом. И я сейчас не про борщи и чистую одежду, а... — Щербинин вдруг ткнул пальцем в стекло. — Вот этот дом.

Макар оглядел строение из красного кирпича и аккуратно

въехал в арку.

Подъезд Макару понравился. Чувствовалось, что жильцы заботятся о своем жилище, а Чердынцев считал, что поговорка о родных стенах, которые помогают, верна именно в связи с этой обоюдной заботой.

Щербинин позвонил в одну из дверей второго этажа, и после минутной задержки выглянула соседка – женщина за пятьдесят. Она была при полном параде – на голове возвышалась завитая «хала», мощная грудь была обтянута пушистым, небесно-голубого цвета свитером, в ушах покачивались розово-сиреневые агатовые подвески, а с шеи свисало нефритовое ожерелье. От такого цветового диссонанса у Чердынцева зарябило в глазах. Позволив худруку самому разобраться с ключами, он коротко поздоровался и отошел на пару шагов в сторону.

– Зинаида Семеновна, приветствую, – раскланялся Щербинин. – Хотели заглянуть к Амалии Яновне на минуточку. Тут, понимаете ли, родственник ее приехал. А вы, как домоуправ, можете нам посодействовать...

– Даже не знаю, – нахмурилась соседка, – имею ли я право вот так впускать вас. Вы-то, Альберт Венедиктович, мне знакомы, а вот молодой человек... Я и так полдня провела там, – дернула она подбородком в сторону квартиры напротив. – Пока фотографировали, пока бродили из стороны в сторону... Натоптали, ужас! Я распорядилась, чтобы новый замок поставили. Оплатила из своих средств, – она шагнула

за порог, и вместе с ней на площадку важно вышел огромный кот-британец.

– Да мы одним глазком, – успокоил ее худрук. – Макар Дмитриевич потом к нотариусу пойдет. Ну и насчет похорон суетиться начнет.

Чердынцев присел на корточки и погладил круглую кошачью голову.

– Ну ладно, пойдемте, – смилостивилась соседка. – Только ключи я вам отдам, когда вы мне бумагу принесете, – добавила твердо.

– А вы давно здесь живете? – спросил Макар.

– Несколько лет, – расплывчато ответила женщина.

– Амалию Яновну хорошо знали?

– У нас не так много жильцов, чтобы в них путаться. Конечно. – Соседка вставила ключ в скважину и открыла дверь с номером четыре.

– И как она вам? – не отставал Чердынцев.

– Если вы родственник, то вам и объяснять ничего не надо.

Судя по выражению ее лица, Макар сделал определенные выводы. Что ж, старуху не любили, а значит, хоть в чем-то и он был прав.

– А ее домработница? Знаете ее?

– Бегала к ней пигалица какая-то... Я ее спросила, кто она и что делает у Горещкой, но... – соседка осталась в холле напротив входа в гостиную. – Конечно, Амалии Яновне нуж-

на была помощь. И я предлагала ей свою сотрудницу. И по деньгам это было бы недорого. И вообще... Я могла бы даже бесплатно ей все организовать, – отвернулась она.

– За договор наследования? – уточнил Макар, изучая висевший на стене портрет.

Зинаида Семеновна усмехнулась и посмотрела прямо в глаза Чердынцеву.

– За пожилыми родственниками надо присматривать, молодой человек. А то появляетесь, когда они уже на тот свет отправляются. Наследство вам подавай, – хмыкнула она.

Макар спорить не стал. Стоя в дверях гостиной, он разглядывал обстановку, отмечая про себя мелочи вроде покосившегося абажура, старинной, из настоящего дуба, мебели, и небольшого телевизора, которому было хорошо за двадцать. Спальня была еще более спартанской, если не считать разбросанных вокруг трюмо «жемчугов» и «бриллиантов».

– Фальшивки, – услышал он за спиной голос соседки.

Макар ни минуты не сомневался, что великолепная Зинаида Семеновна уже все проверила, а потому лишь согласно кивнул.

– Квартиры в вашем доме дорогие, – задумчиво произнес он.

– Да, но, если вы решите ее продавать, сразу минусуйте из-за трупa, – торопливо ответила соседка. – В общем, если надумаете, то приходите ко мне. Порешаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.